

С О Ф И

КИНСЕЛЛА

Шопоталик
и дэди

Шопоголик

Софи Кинселла
Шопоголик и бэби

«ЭКСМО»

2007

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Кинселла С.

Шопоголик и бэби / С. Кинселла — «Эксмо»,
2007 — (Шопоголик)

ISBN 978-5-699-91703-7

В жизни Бекки, похоже, наступают крутые перемены: она ждет ребенка. Знаете, чем отличается просто беременная женщина от беременной женщины-шопоголика? Если просто беременная женщина думает о какой-то ерунде вроде врачей, родов, воспитания будущего наследника, то беременная женщина-шопоголик прежде всего заботится о том, чтобы у ее ребенка все - от соски до коляски - было только от самых известных брендов. Так что Бекки некогда отдыхать - она без устали штурмует магазины. К тому же Бекки - не просто женщина и даже не просто женщина-шопоголик. Она - деловая женщина. И в перерыве между шопингом делает карьеру, и заметим - успешную. Ну а кроме того, на горизонте замаячила угроза ее счастливому браку: давняя подружка мужа. Заметим, ни капельки не беременная, а стройная и неотразимая. Силы не равны, скажете вы? Просто вы не знаете Бекки!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-699-91703-7

© Кинселла С., 2007
© Эксмо, 2007

Содержание

***	5
1.	7
2.	16
3.	21
4.	31
5.	43
6.	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Софи Кинселла

Шопоголик и бэби

Посвящается Оскару

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ
Финансовые консультации
Прендергаст де Витт Коннел
Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл Лондон
30 июля 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,
Было очень приятно познакомиться на днях с Вами и мистером Брэндонем. Я с нетерпением жду возможности приступить к выполнению обязанностей финансового консультанта Вашей семьи.

В настоящее время я улаживаю банковские дела и занимаюсь подготовкой к учреждению трастового фонда для Вашего будущего ребенка. Со временем мы сможем обсудить вложения средств, которые Вы с мужем пожелаете сделать на имя ребенка.

Надеюсь в предстоящие месяцы познакомиться с Вами поближе. Пожалуйста, не стесняйтесь обращаться ко мне с любыми вопросами, какими бы незначительными они ни казались.

С уважением,
Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ
Финансовые консультации
Прендергаст де Витт Коннел
Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл
Лондон
1 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,
Благодарю Вас за письмо. По поводу Вашего вопроса: да, возможность превышения обусловленного размера кредита будет предусмотрена для банковского счета Вашего ребенка, но не думаю, что в ней вообще возникнет необходимость!

С уважением,

Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ
Финансовые консультации
Прендергаст де Витт Коннел
Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл
Лондон
7 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,
Благодарю Вас за письмо.

Меня заинтриговало известие, которое Вы получили «сверхъестественным путем» от неродившегося ребенка. Тем не менее, боюсь, в настоящее время добиться права пользования возможностью превышения кредита нереально. Несмотря на то, что, по Вашим словам, «этого хочет ребенок».

С уважением,
Кеннет Прендергаст,
консультант по семейному инвестированию.

1.

Так, без паники. Все будет просто замечательно. Ну конечно. Непременно.

– Вы не могли бы поднять кофточку, миссис Брэндон? – Узистка смотрит на меня, лицо у нее профессионально-ласковое. – Перед началом исследования мне надо нанести вам на живот гель.

– Запросто! – отвечаю я, и не думая шевелиться. Дело в том, что я чуточку... нервничаю.

Я лежу на кушетке в больнице Челси и Вестминстер, замерев в предвкушении. Через пару минут на экране появится наш малыш и мы с Люком увидим, насколько он вырос с тех пор, как был крошечной капелькой. До сих пор не верится. Я так и не свыклась с мыслью, что беременна. Пройдет каких-нибудь девятнадцать недель – и я, Бекки Брэндон, урожденная Блумвуд, стану... мамой. Представляете, мамой!

Кстати, Люк – это мой муж. Мы женаты уже больше года, и я поручусь чем угодно, что ребенок у нас «медовый». За наш длинный медовый месяц мы где только не побывали, но я почти точно знаю, что ребенок был зачат на Шри-Ланке, в том роскошном ашраме под названием «Унаватуна», – сплошные орхидеи, бамбук и живописные виды.

Унаватуна Брэндон.

Мисс Унаватуна Орхидея Бамбукка Брэндон.

М-да. Пожалуй, мама будет не в восторге.

– На ранней стадии беременности с моей женой произошел небольшой несчастный случай, – объясняет Люк, сидящий возле кушетки. – Потому она и волнуется.

Он ободряюще жмет мне руку, и я отвечаю на пожатие. В книге о беременности «Девять месяцев вашей жизни» написано, что внимание мужа к беременности надо привлекать всесторонне, не то он обидится и замкнется в себе. Вот я и привлекаю Люка как могу. Вчера вечером, например, позвала посмотреть новый диск «Тонус рук во время беременности». Правда, на середине просмотра Люк вдруг вспомнил, что ему надо сделать звонок по работе, и много пропустил, зато обиженным вроде бы не выглядит.

– Несчастный случай? – Узистка перестает щелкать клавишами компьютера.

– Свалилась с горы, когда во время грозы разыскивала давным-давно потерянную сестру, – объясняю я. – В то время я еще не знала, что беременна. И наверное, ушибла малыша.

Понятно. – Узистка смотрит на меня добрыми глазами. Ее седеющие каштановые волосы стянуты на затылке в узелок, из него торчит карандаш. – Ну, детишки существа живучие. Посмотрим, как он там, хорошо?

Вот он, этот миг. Несколько недель его ждала, даже извелась. Опасливо поднимаю топик и смотрю на свой округлившийся живот.

– Будьте добры, сдвиньте в сторону украшения, – просит узистка. – У вас тут целая коллекция!

– Это не простые украшения. – Я сгребая побрякивающую грудь. – Вот это – ацтекский символ материнства, это – кристалл беременности, тут еще бубенчик, звон которого успокаивает малыша... и «родильный камень».

– Родильный?

– Его прижимают к особой точке на ладони, чтобы облегчить родовые муки, – поясняю я. – Таким камнем пользовались еще древние маори.

– М-м-м...

Узистка приподнимает бровь и выдавливает мне на живот какое-то прозрачное желе. Сведя брови, она прикладывает к коже ультразвуковой зонд, и на экране возникает размытая черно-белая картинка.

Не дышу.

Это же наш ребенок. У меня внутри. Бросаю взгляд на Люка: сидит, как загипнотизированный, и глаз не сводит с экрана.

– Сердце, все четыре камеры на месте... – узистка водит по животу зондом, – а вот и плечики.

Она указывает на экран, и я послушно щурюсь, хотя, если честно, никаких плечиков не вижу – одни лишь расплывчатые кривули.

– И ручка... одна кисть... – Она вдруг умолкает и хмурится.

В комнате повисает тишина. А меня вдруг охватывает ужас. Ясно, почему она хмурится: у малыша всего одна ручка. Так я и знала!

Меня захлестывают любовь и стремление оберегать. На глаза наворачиваются слезы. Ну и пусть у нашего ребенка всего одна ручка. Я все равно буду любить его... нет, буду любить еще сильнее! Мы с Люком найдем самых лучших врачей, станем финансировать исследования, и пусть только кто-нибудь посмеет косо посмотреть на моего...

– ...И вторая ручка, – прерывает мои мысли узистка.

– Вторая? – встрепенувшись, переспрашиваю я. – Так у него их две?

– Э-э... да. (Кажется, такой реакции узистка не ожидала.) Смотрите, здесь они видны обе. – Она указывает на экран, и я, к своему восторгу, различаю малюсенькие, похожие на косточки, пальчики. Все десять.

– О, простите, – всхлипываю я и утираю глаза салфеткой, которую узистка сует мне в руку. – Это слезы облегчения.

Насколько я могу судить, все в полном порядке, – заверяет она. – Не волнуйтесь, повышенная эмоциональность при беременности – это совершенно нормально. Просто гормоны разыгрались.

Нет, ну сколько можно? Будто сговорились все – только и слышишь: «гормоны, гормоны». Прямо как Люк вчера вечером, когда я расплакалась из-за той телерекламы со щенком. Нет у меня никакого гормонального сдвига, я такая же, как всегда. Просто реклама была очень грустная.

– Вот, пожалуйста. – Узистка снова стучит по клавишам.

Из принтера выползают скрученные черно-белые снимки, и она протягивает их мне. Вглядываюсь в один – да, очертания головки, все как полагается. С носиком, ротиком и так далее.

– Все, исследование закончено, – объявляет она, крутанувшись на стуле. – Осталось последнее. Вы хотите узнать пол ребенка?

– Нет, спасибо, – с улыбкой отказывается Люк. – Мы уже подробно обо всем поговорили, правда, Бекки? Лучше не портить себе радость ожидания.

– Прекрасно, – ответно улыбается узистка. – В таком случае, я ничего не скажу.

То есть как это «не скажу»? Стало быть, она уже все знает? Пусть и нам скажет сейчас же!

– Но мы же еще ничего не решили, – вмешиваюсь я, – по крайней мере, окончательно.

– Как же так, Бекки? – теряется Люк. – Неужели ты не помнишь? Мы обсуждали это целый вечер и договорились устроить себе сюрприз.

– Ах да. Верно. – Не могу отвести глаз от расплывчатого снимка. – А может, устроим сюрприз прямо сейчас? Этим радость ожидания не испортишь!

Вообще-то я слегка кривлю душой. Но разве Люк не умирает от любопытства?

– Ты и правда хочешь? – На лице Люка я вижу тень разочарования. – Узнать прямо сейчас?

– Ну-у... – нерешительно тяну я. – Если ты считаешь, что лучше не надо...

Меньше всего мне хочется расстраивать Люка. Как только я узнала, что беременна, он стал таким заботливым и милым. С недавних пор у меня появились странные желания – вот, к примеру, на днях до смерти захотелось ананасов и розовый кардиган. И Люк повез меня по магазинам!

Он уже собирается что-то ответить, как вдруг звонит его мобильник. Люк лезет в карман, но узистка предостерегающе поднимает руку:

– Извините, здесь пользоваться мобильными телефонами запрещено.

– Ясно. – Люк смотрит на экран и хмурится. – Это Йен. Надо перезвонить ему.

Кто такой Йен, объяснять мне не надо. Йен Уилер – большая маркетинговая шишка из «Аркодас Групп». У Люка собственная компания «Брэндон Коммьюникейшнс», которая занимается пиаром и рекламой, а «Аркодас» – крупный новый клиент Люка. Для Люка заполучить такого клиента было большой удачей, компания сразу пошла в рост. Люк уже нанял целую толпу новых сотрудников, а теперь собирается открывать новые филиалы в Европе.

Так что «Брэндон Коммьюникейшнс» процветает. Но Люк, как обычно, вкалывает как проклятый. Никогда не видела, чтобы он был у кого-нибудь на побегушках. А теперь, стоит только этому Йену Уилеру позвонить, Люк тотчас перезванивает – неважно, на совещании он, ужинает или даже крепко спит. Люк объясняет, что за это ему и платят: ведь он работает в индустрии обслуживания, и «Аркодас» – его мегаклиент.

А я уже решила: если Йен Уилер позвонит, когда я буду рожать, мобильник отправится прямым ходом в окно.

– Здесь поблизости есть стационарный телефон? – спрашивает Люк. – Бекки, если ты не против...

– Ничего страшного, – машу рукой я.

– Я вас провожу. – Узистка встает. – Подождите минутку, миссис Брэндон.

И они вдвоем скрываются за дверью, которая захлопывается с глухим стуком.

Я остаюсь в одиночестве. Аппаратура включена. Рядом с монитором лежит ультразвуковой зонд.

Достаточно протянуть руку, и...

Нет, лучше не буду. Я понятия не имею, как включается эта штука. И потом, весь сюрприз будет испорчен. Подождем, если Люку приспичило.

Поерзав на кушетке, я принимаюсь разглядывать собственные ногти. А что, подожду запросто. Без проблем. Легко...

Господи, нет. Ни за что. До декабря я не вытерплю. Вон же он, зонд, только руку протянуть... и рядом ни души... Взгляну одним глазком – и все. По-быстренькому. А Люку – ни слова. И сюрприз останется сюрпризом – если не для меня, то для Люка точно. Вот!

Передвинувшись, дотягиваюсь до зонда, приставляю его к измазанному гелем животу, и – раз! – на экране тут же появляется нечеткое изображение.

Получилось! Осталось чуть-чуть сдвинуть зонд, чтобы было лучше видно... Сосредоточенно нахмурившись, я веду зондом по животу, наклоняю его то так, то этак, вытягиваю шею, чтобы видеть экран. А это гораздо проще, чем я думала! Наверное, надо мне было стать узисткой. У меня же явно врожденный дар.

Вот и голова. Ого, какая огромная! А этот отросток, должно быть...

У меня замирает рука, дыхание перехватывает. Я видела его. Теперь я знаю, какого пола наш малыш!

Это мальчик!

Правда, изображение на экране очень размытое, хуже, чем раньше, но все равно ошибиться невозможно. У нас с Люком будет сын!

– Эй! – обращаюсь я к экрану дрогнувшим голосом. – Эй, малыш!

Слезы так и льются по щекам, ничем их не остановишь. У нас чудесный крохотный мальчик! Можно наряжать его в симпатичные штанишки, купить ему машину с педалями, Люк научит его играть в крикет, и звать сыночка мы будем...

Боже мой! А как же мы его назовем?

Интересно, согласится Люк назвать нашего малыша Биркин или нет? Тогда можно будет специально под памперсы и другие детские вещишки прикупить настоящую сумку «Биркин».

Биркин Брэндон. Классно звучит.

– Здравствуй, маленький, – воркую я, обращаясь к огромной круглой голове на экране. – Хочешь, мы назовем тебя Биркин?

– Что вы делаете?

Услышав голос узистки, я вздрагиваю. Явно перепуганная, она стоит в дверях рядом с Люком.

– Эта аппаратура – больничное имущество. Пациентам трогать ее запрещено!

– Простите, – я утираю слезы, – мне просто так захотелось взглянуть еще разок! Люк, представляешь, я говорила с нашим малышом. Это какое-то... чудо.

– Дай-ка и мне посмотреть. – Люк оживляется и торопится ко мне, за ним по пятам следует узистка. – Где он?

Даже если Люк заметит, что это мальчик, и никакого сюрприза не получится, – мне все равно. Я обязана поделиться с ним радостью.

– Смотри, вот головка! – показываю я. – Привет, милый!

– А лицо где? – Люк немного волнуется.

– Не знаю, может, с другой стороны. – Я машу экрану рукой: – Это мы, мама и папа! И мы очень-очень любим тебя...

– Миссис Брэндон, – перебивает узистка, – вы объясняетесь в любви своему мочевому пузырю.

Ну подумайте, откуда я могла знать, что это мой мочевой пузырь? Выглядел-то он точь-в-точь как голова младенца!

Весь путь до кабинета врача мои щеки так и пылают. Узистка строго отчитала меня – выдала целую лекцию о том, что я могла или прибор испортить, или себе навредить. Едва отделались от нее – когда Люк пообещал щедрые пожертвования кабинету диагностики.

А еще узистка сказала, что узнать пол ребенка я смогла бы, только если бы очутилась там же, где и он. Вот тебе на.

Но перед мистером Мозгли, врачом, который ведет мою беременность, я сажусь в приподнятом настроении. Он так классно умеет подбодрить и успокоить, наш мистер Мозгли. Ему уже сильно за шестьдесят. Ухоженные седеющие волосы, костюм в тонкую полоску, слабый аромат старомодного лосьона после бритья. Доктор Мозгли помог родиться тысячам малышей, в том числе и Люку! Честно говоря, не представляю Элинор рожающей, но как-то же Люк должен был появиться на свет. Когда выяснилось, что я беременна, Люк сразу сказал, что если доктор Мозгли еще не вышел на пенсию, наблюдаться мы будем только у него, потому что второго такого врача в стране не найти.

– Мальчик мой. – Доктор Мозгли тепло жмет руку моему мужу. – Ну, как ты?

– Отлично. – Люк усаживается рядом со мной. – А как дела у Дэвида?

Люк учился вместе с сыном мистера Мозгли и теперь при каждой встрече спрашивает о нем.

Повисает пауза: мистеру Мозгли надо обмозговать вопрос. Вот что меня в нем капельку раздражает. Над каждым словом он думает так, будто от ответа зависит жизнь, даже если это просто замечание, брошенное мимоходом, для поддержания разговора. Во время прошлого визита меня угораздило спросить, где он купил такой галстук, и он сначала задумался минут на пять, потом позвонил жене, чтобы уточнить, и конца этим уточнениям не было. А я брякнула про тот дурацкий галстук просто так, он мне даже не понравился.

– У Дэвида все замечательно, – наконец кивает мистер Мозгли. – Передает вам приветы. – Он снова умолкает, изучая бумаги от узистки. – Очень хорошо, – заключает он. – Все в норме. Как вы себя чувствуете, Ребекка?

– Потрясающе! – отзываюсь я. – Здорово, что у малыша все хорошо.

Мистер Мозгли кивает на мою карточку:

– Вижу, вы все еще трудитесь полный рабочий день. Вы не переутомляетесь?

Сидящий рядом Люк сдавленно фыркает. Какая невоспитанность.

– Э-э... – Наспех соображаю, что сказать. – Моя работа не настолько утомительна.

– Бекки работает в «Облике», – поясняет Люк. – Знаете, в том новом универмаге на Оксфорд-стрит.

Выражение лица доктора меняется.

– А-а... Понятно.

Каждый раз, когда я сообщаю, чем занимаюсь, люди или смущенно отворачиваются, или переводят разговор на другое, или делают вид, будто даже название «Облик» слышат впервые. А этого быть не может, потому что уже несколько недель все газеты только о нем и пишут. Вчера, к примеру, «Дейли уорлд» назвала наш универмаг «самым провальным торговым проектом во всей британской истории».

Одно хорошо: если работаешь в магазине, на который навесили ярлык «провальный», можно сколько угодно ходить по врачам и занятиям для будущих родителей. И назад не торопиться – моего отсутствия все равно никто не заметит.

– Уверен, скоро все образуется, – ободряюще говорит мистер Мозгли. – Итак, у вас есть ко мне вопросы?

Решительно делаю глубокий вдох.

– Вообще-то всего один, мистер Мозгли. Если УЗИ показало, что все в норме, может быть, ничего страшного, если... ну, вы понимаете...

– Разумеется, – мудро кивает врач. – Многие пары воздерживаются от сношений в начале беременности...

– Да при чем тут секс? – удивляюсь я. – Речь о шопинге.

– О шопинге? – Мистер Мозгли растерян.

– Я ведь еще ничего не приготовила для ребенка, – объясняю я. – Боялась сглазить. Но если все идет как положено, прямо сегодня и начну!

Мой восторг так и рвется наружу. Я уж думала, не дождусь, когда смогу походить по магазинам специально для малыша. Как раз сегодня прочитала, что на Кингс-роуд открылся новый шикарный магазин детских товаров «Бамбино». Зря, что ли, я взяла по-честному самый настоящий день отгула!

Чувствую на себе пронзительный взгляд Люка, оборачиваюсь и вижу на его лице недоверчивое удивление.

– «Начну»? Милая, ты о чем? – спрашивает он.

– Для ребенка я еще ничего не купила, – спешу оправдаться я. – Разве ты забыл?

Люк начинает загибать пальцы:

– А халатик от Ральфа Лорана? А лошадку-качалку? А розовый костюм феи с крылышками?

– Эти вещи пригодятся, когда малыш начнет ходить, – с достоинством разъясняю я. – А для младенца у меня нет ни единой вещички.

Нет, ну вы подумайте! Раз Люк не знает даже, чем младенцы отличаются от детей, какой же из него выйдет отец?

– А если у нас будет мальчик? – интересуется Люк. – Ты и его начнешь наряжать розовой феей?

Вообще-то тот костюмчик я сама не прочь поносить. Даже померила разок – оказалось, ткань так тянется! Люку, конечно, знать об этом незачем.

– Люк, я тебе поражаюсь! Вот уж не думала, что ты настолько преубежден!

Мистер Мозгли растерянно слушает нас.

– Если я правильно понял, вы не хотите заранее знать пол ребенка? – вставляет он.

– Нет, спасибо. – Люк непреклонен. – Лучше сделаем себе сюрприз. Верно, Бекки?

– Э-э... да, – кашлянув, соглашаюсь я. – Мистер Мозгли, а может, мы обязаны знать заранее по каким-нибудь... очень важным, экстренным медицинским причинам?

Впиваюсь в доктора гипнотическим взглядом. Но он не понимает намек и лишь улыбается:

– Не вижу таковых.

Вот черт.

Кабинет мы покидаем через двадцать минут. Из них три минуты доктор Мозгли осматривал меня, а все остальное время они с Люком вспоминали какой-то школьный крикетный матч. Из вежливости я делала вид, что слушаю, а сама чуть не подпрыгивала на стуле. В «Бамбино» хочу!

Но вот прием закончен. Мы выходим на оживленную лондонскую улицу. Женщина катит винтажную коляску от компании «Серебряный крест», которую я украдкой разглядываю. Как раз такую я и решила купить: колеса шикарные, пружинят. Только цвет выберу другой, ярко-розовый. Вид будет – супер. И меня станут называть «девушка с розовой колясочкой». А если родится мальчик, побрызгаю голубой краской из баллончика. Нет, не голубой – аквамариновой. И меня станут...

– Сегодня я разговаривал с Джайлсом из агентства недвижимости, – прерывает мои мысли Люк.

– Правда? – радуюсь я. – Нашлось что-нибудь?

– Ничего.

– А-а... – Я сникаю.

Пока мы живем все в том же роскошном пентхаусе Люка. Квартира замечательная, вот только без сада, да и бежевого ковролина слишком много, и вообще для ребенка она не годится. Поэтому несколько недель назад мы выставили ее на продажу и начали подыскивать себе удобный семейный домик.

Квартира улетела со свистом. Не подумайте, что я хвастаюсь, но это исключительно моя заслуга. И мое блестящее чувство стиля: я повсюду расставила свечи, принесла в ванную бутылку шампанского в ведерке со льдом, а чтобы оживить обстановку, всюду разбросала оперные программки и приглашения на всякие пафосные тусовки (одолжила у моей светской подружки Сьюзи). И эта пара, Карлссоны, не сходя с места заключили договор о намерениях! И пообещали расплатиться сразу же!

Все это здорово, конечно, но где нам теперь жить? Мы еще не видели ни одного дома, который нам понравился бы, а в агентстве все твердят, мол, рынок «обмелел» да «истощился», и, может, нам подумать об аренде?

А я не хочу ничего арендовать. Хочу жить в чудесном новом доме и растить в нем ребенка.

Я поворачиваюсь к Люку:

– Вдруг мы ничего не найдем? Вдруг нас вышвырнут на улицу? А скоро зима... И я уже на последних месяцах беременности...

Мне уже видится, как я, еле переставляя ноги, бреду по Оксфорд-стрит, а невидимый хор поет «Городок Вифлеем».

– Дорогая, никто нас на улицу не вышвырнет! Но Джайлс советует нам все-таки умерить свои требования. – Люк делает паузу. – По-моему, речь о твоих требованиях, Бекки.

Так нечестно! Когда нам прислали бланк заявки «Ищем недвижимость», там было указано: «Выражайте свои пожелания как можно более конкретно». Вот я и расписала все подробно. А теперь они, видите ли, недовольны!

– Похоже, от обувной комнаты нам придется отказаться, – добавляет он.

– А как же... – Заметив, какое у Люка стало лицо, я замолкаю. Однажды я увидела «обувную гардеробную» в передаче «Стиль богатых и знаменитых» и с тех пор прямо обмираю по ней. – Хорошо, – послушно отзывается я.

– И пожалуй, не будем ограничиваться только одним районом.

– Я не против! – говорю я под звонок мобильного Люка. – Наоборот, обеими руками за.

Между прочим, это Люк настаивал на Мейда-Вейле. А у меня в списке полным-полно мест, где я не прочь пожить.

– Люк Брэндон слушает, – деловито произносит он в трубку. – А-а, привет. Да, на УЗИ были. Вроде все в норме. – Люк обращается ко мне: – Это Джесс. Говорит, звонила тебе, но у тебя мобильник отключен.

– Джесс! – ликую я. – Дай поговорить!

Джесс – моя сестра. Моя сестра! До сих пор как подумаю об этом, аж вздрагиваю от радости. Всю жизнь я считала себя единственным ребенком, а потом оказалось, что у меня есть сестра, пусть и неродная! Сначала отношения у нас не заладились, но после того, как мы вдвоем пережили бурю в горах и поговорили по душам, мы подружились по-настоящему.

Мы не виделись уже месяца два: Джесс укатила в геологическую экспедицию в Гватемалу. Но мы созваниваемся, переписываемся по электронной почте, а однажды она прислала мне по мобильнику фотографии: какая-то скала и Джесс на ней. (В уродском синем анорাকে с капюшоном – вместо изящной курточки из искусственного меха, которую я ей подарила. Ну что мне с ней делать?)

– Я возвращаюсь в офис, – сообщает Люк в телефон, – а Бекки идет по магазинам. Хочешь с ней поговорить?

– Тсс! – в ужасе шикаю я: о магазинах и покупках при Джесс лучше не заикаться.

Состроив Люку гримасу, беру телефон и прижимаю к уху.

– Привет, Джесс! Как ты?

– Отлично! – слышится сквозь треск ее далекий голос. – Вот звоню узнать, как прошло обследование.

Я растроганно слушаю: оказывается, она все помнит. Висит, наверное, на веревке в какой-нибудь расщелине, долбит скалу, а позвонить не поленилась.

– Просто замечательно!

– Да, Люк уже сказал. Вот и хорошо. – В голосе Джесс облегчение.

Я знаю: в том, что я свалилась с горы, Джесс винит себя – ведь это за ней я полезла в горы, потому что...

Словом, долго рассказывать. Главное, что ребенок не пострадал.

– Люк говорит, ты по магазинам собралась.

Да, прикуплю самое необходимое для малыша, – небрежно отзывается я. – Ну, там... э... памперсы из переработанных материалов. В магазине для экономных. – Вижу, что Люк уже давится хохотом, и торопливо отворачиваюсь.

Дело в том, что моя сестра Джесс не выносит ходить по магазинам, тратить деньги и губить планету бессмысленным потребительством. И думает, что и я этого терпеть не могу. Она убеждена, что я последовала ее примеру и теперь живу в режиме экономии.

Сказать по правде, я и жила – почти целую неделю. Заказала большущий мешок овсяных хлопьев, накупила одежды в «Оксфаме» и сварила суп из чечевицы. Все бы хорошо, да только быть бережливой – скука смертная. От супа тошнит, журналы не покупаешь, потому что это напрасная трата денег, обмылки собираешь и склеиваешь в один тошнотворный ком. А мешок с хлопьями занял то место, где Люк раньше хранил клюшки для гольфа, так что в конце концов я его выкинула и купила зерновое печенье к завтраку «Уитабикс».

Только Джесс я об этом не говорю: боюсь за наши замечательные родственные узы.

– А ты видела статью про то, как можно делать гигиенические салфетки и подгузники своими руками? – с воодушевлением подхватывает Джесс. – Это очень просто. Я уже начала собирать для тебя всякие тряпки. Вместе и займемся.

– М-м... да, конечно!

Джесс упорно присылает мне номера журнала под названием «Экономный малыш». На обложке последнего номера, под заголовком «Оборудуйте детскую всего за 25 фунтов!», фотография карапуза в одежках, перешитых из старых мешков для муки, один вид которых вгоняет меня в депрессию. Не желаю я укладывать ребенка спать в пластмассовый короб для грязного белья, даже если он стоит всего три фунта. Хочу хорошенькую колыбельку всю в белых оборочках.

А Джесс уже нахваливает какие-то «износостойкие детские комбинезончики из пеньки». Пожалуй, на сегодня с меня хватит.

– Знаешь что, Джесс, мне пора, – перебиваю я. – Ты успеешь вернуться к маминему празднику?

На следующей неделе моей маме исполняется шестьдесят лет. По такому случаю намечается вечеринка с кучей гостей и настоящим оркестром, а сосед Мартин пообещал показать фокусы!

– Конечно! – отзывается Джесс. – Такое событие я ни за что не пропущу. Там и увидимся.

– Пока!

Отключаюсь, оборачиваюсь и вижу, что Люк уже остановил такси.

– Подбросить тебя до магазина для экономных? – спрашивает он, распахивая дверцу. Очень смешно.

– На Кингс-роуд, к магазину «Бамбино», пожалуйста, – обращаюсь я к таксисту. – Хочешь со мной, Люк? – великодушно предлагаю я. – Посмотрим коляски и еще что-нибудь, потом выпьем чаю...

Лицо у Люка такое, что я сразу понимаю: он откажется.

– Милая, мне надо в офис. У меня встреча с Йеном. Но в следующий раз – обязательно.

Обижаться бесполезно. Я же знаю, что Люк трудится для «Аркодаса» не покладая рук. Хорошо еще, что он нашел время съездить со мной на УЗИ.

Такси трогается с места, Люк обнимает меня и говорит:

– Ты прямо светишься.

– Да-а? – Я улыбаюсь ему.

И правда, сегодня я сама себе нравлюсь. На мне потрясающие новенькие джинсы «Эрл» для будущих мам, эспадрильи на высокой танкетке и сексуальный топ от Изабеллы Оливер – с открытой спиной и завязками на шее. Я нарочно так завязала их, чтобы спереди виднелась полоска загорелого животика.

Ни за что бы не подумала, что быть беременной так классно! Да, живот растёт, но ведь так и должно быть. Зато по сравнению с животом ноги кажутся стройными. Вдобавок обзаводишься роскошной ложбинкой (между прочим, Люк от нее без ума).

– Посмотрим еще разок на снимки, – предлагает он.

Я достаю из сумочки глянцевого рулончик, и некоторое время мы молча разглядываем круглую головку и крохотный профиль.

– Мы дали жизнь совершенно новому человечку, – бормочу я, не сводя глаз со снимков, – Представляешь?

– Да. – Люк крепче обнимает меня. – Второго такого приключения даже не придумать.

– Природа все предусмотрела. – Я чувствую, что опять разволновалась, и закусываю губу. – Материнские инстинкты вдруг сами собой взяли да и включились. Я просто... я хочу дать нашему малышу все.

– «Бамбино»! – объявляет таксист, подруливая к тротуару.

Оторвавшись от снимков, я вижу совершенно сказочный фасад новенького магазина. Здание кремовое, маркизы – в красную полоску, швейцар одет игрушечным солдатиком, а витрины – сокровищница для детей. Манекены в миленьких младенческих одежках, детская кроватка в виде «кадиллака» пятидесятих годов, маленькое «чертово колесо» – совсем как настоящее, и все крутится, и крутится....

– Вот это да! – ахаю я и хватаюсь за ручку двери. – Интересно, продается это «чертово колесо» или нет? Пока, Люк, до встречи...

Я уже на полпути к дверям магазина, когда Люк окликает меня:

– Постой!

Обернувшись, замечаю на его лице тень тревоги.

– Бекки, ребенку совсем не обязательно иметь абсолютно все.

2.

И зачем я так долго откладывала поход по детским магазинам?

Наконец-то я в отделе для младенцев на первом этаже «Бамбино». Всюду мягкий ковровин, музыкальный центр без остановки играет детские песенки, у входа сидят большущие мягкие зверюхи. Сотрудник магазина, наряженный Кроликом Питером, подает мне белую плетеную корзинку, я вцепляюсь в нее, оглядываюсь по сторонам – и готово, у меня острая потребительская недостаточность.

Верно говорят, что материнство меняет до неузнаваемости. Впервые в жизни я о себе даже не вспоминаю. Я – воплощение альтруизма! Думаю только о благе будущего ребенка.

С одной стороны – штабеля потрясающих колыбелек и вращающиеся, тихо позвякивающие мобили. С другой – соблазнительно поблескивающие хромом коляски. Прямо по курсу – бесконечная выставка крошечных одежек. Не удержавшись, шагаю к ним. Вы только взгляните, какие тапочки с зайчиками! И малюсенькие кожаные курточки-дутики! А еще целый отдел «Бэби Диор»... Боже мой, и детская коллекция «Дольче»...

Стоп. Успокойся. Будем действовать по порядку. Что мне сейчас нужно, так это список.

Выуживаю из сумочки книгу «Девять месяцев вашей жизни». Открываю восьмую главу, «Покупки для малыша», и старательно вчитываюсь в текст.

Одежда

Не поддавайтесь искушению закупить слишком много одежды для самых маленьких. Для удобства стирки рекомендуем выбирать белые вещи. Трех простых комбинезончиков и шести распашонок вполне достаточно.

Минуту я изучаю эти слова. Неправильно это – слишком буквально воспринимать все, что написано в книгах. Во вступлении так и сказано:

Следовать всем приведенным советам незачем. Все дети разные, поэтому доверьтесь материнскому инстинкту.

А мой инстинкт настойчиво советует купить кожаную курточку.

Бросаюсь к полкам и начинаю изучать размеры на этикетках: «новорожденный ребенок», «маленький ребенок»... Откуда мне знать, маленький он у меня будет или нет? В порядке эксперимента ощупываю свой живот. Судя по ощущениям, внутри что-то не слишком большое, но разве точно определишь? Пожалуй, возьму оба размера – на всякий случай.

– О, зимний комбинезон «Урбанбэби»! – Наманикюренная рука выныривает из-за моей спины и цапает стеганый белый костюмчик на шикарных черных плечиках. – С ног сбилась, пока нашла!

– Я тоже! – на автомате заявляю я и хватаю последний комбинезон.

– Представляете, в «Харродзе» в очередь на них надо записываться за полгода! – Хозяйка наманикюренной руки – угрожающе беременная блондинка в джинсах и бирюзовой блузке-стретч с запахом. – О, да у них вся коллекция «урбанов»! – И она начинает метать младенческие вещички в белую плетеную корзинку. – Смотрите-ка, даже башмачки «Пятачок»! Обязательно возьму дочкам.

А я слыхом не слыхивала про «Урбанбэби». Не говоря уже о башмачках «Пятачок».

Что ж я такая непродвинутая, а? Почему совсем не разбираюсь в детских брендах? В легкой панике я изучаю крохотную одежду. Понятия не имею, что теперь носят. Никакого представления о младенческой моде. И на изучение у меня всего четыре месяца.

Могла бы хоть спросить у Сьюзи. Она моя самая давняя и лучшая подруга, у нее трое детей – Эрнест, Уилфрид и Клементина. Но Сьюзи – другое дело: ее малыши носят фамиль-

ные распашонки с ручной вышивкой, заштопанные старой камеристкой ее матери, и спят младенцы в дубовых колыбельках в обширном родовом гнезде.

Беру две пары башмачков «Пятачок», несколько комбинезончиков «Урбанбэби» и для верности резиновые сапожки «Джелли-Велли». И тут замечаю невозможно милое розовое платьице. На нем переливчатые пуговицы, к нему полагаются такие же розовые панталончики и крохотулечные носочки. Прелесть, слов нет!.. А если родится мальчик?

Не знать пол ребенка – это невыносимо. Должен же быть какой-то тайный способ.

– А у вас сколько детишек? – спрашивает покупательница в бирюзовом и щурится, разглядывая на туфельках размеры.

Я указываю на свой живот:

– Жду первого.

– Какая прелесть! И моя подруга Саския тоже. – Она кивает в сторону стоящей поодаль темноволосой девушки. Саския (поджарая, как борзая, без намека на беременность) увлеченно щебечет по мобильнику. – Она только что узнала. Сколько радости!

В эту минуту Саския захлопывает телефон и с сияющим видом направляется к нам.

– Получилось! – объявляет она. – Я записана к Венеции Картер!

О, Саския, замечательно! – Покупательница в бирюзовом роняет свою корзинку прямо мне на ногу и бросается к Саскии на шею. – Ах, простите! – весело добавляет она, когда я подаю ей корзинку. – Такая новость, такая новость! Сама Венеция Картер!

– Вы тоже у Венеции наблюдаетесь? – вдруг с интересом спрашивает Саския.

А я настолько не в курсе младенческих дел, что знать не знаю никакую Венецию Картер.

– Впервые слышу о ней, – признаюсь я.

– Быть того не может! – У будущей мамы в бирюзовом округляются глаза. – Это же известный акушер-гинеколог! Врач, к которому обязательно надо попасть!

Известный врач, к которому обязательно надо попасть?

У меня прямо мурашки по коже забегали. В городе есть знаменитый врач, а я о нем только сейчас узнала?

– Она из Голливуда! – тараторит бирюзовая. – Принимала роды у всех кинозвезд! И вот теперь она здесь, в Лондоне. Все супермодели к ней ходят. Венеция организует для своих пациенток чаепития – отпад, правда? И все приносят своих малышей и получают подарочки...

Я слушаю, а сердце колотится как сумасшедшее. Подарочки? Чаепития с супермоделями? Сколько, оказывается, интересного я пропустила! Почему мне до сих пор никто не рассказал про Венецию Картер?

Это все Люк виноват. Из-за него мы сразу записались к надутому старому мистеру Мозгли. Будто других врачей и на свете нет.

– Не знаете, хорошо она принимает роды? – притворяясь невозмутимой, спрашиваю я.

– О, Венеция чудо! – Саския гораздо настойчивее, чем ее подруга. – Не то что все это старичье. Между ней и пациентками возникают особые узы. Моей шефине Аманде она устроила потрясные холистические роды в воду! С цветами лотоса и тайским массажем!

С массажем? С тайским?! А мистер Мозгли вообще ни о каком массаже и не заикался.

– Мой муж ни за что не раскошелится, – надувает губки блондинка в бирюзовом. – Жадина он у меня. А тебе везет, Саския.

– Скажите, как вы на нее вышли? – вдруг вырывается у меня. – У вас есть ее адрес? Или телефон?

– О-о... – Беременная в бирюзовом с сомнением переглядывается с Саскией. – Вы, наверное, все равно уже опоздали. У нее все забито.

– Могу дать вот это... там и телефон есть, попробуйте позвонить. – Саския лезет в свою сумочку от «Малберри» и достает буклет.

Крупная надпись «Венеция Картер» выполнена элегантным рельефным шрифтом темно-синего цвета, ниже силуэт младенца. Открываю буклет и первым делом вижу хвалебные отзывы, а под ними, скромненько так, – имена. Сплошь звезды! На обороте адрес: Мейда-Вейл.

Невероятно. Мы же как раз там живем, в Мейда-Вейле. Значит, это не просто совпадение!

– Спасибо, – задыхаясь от волнения, произношу я. – Непременно позвоню.

Едва Саския с подружкой уходят, я выхватываю телефон и звоню Люку.

– Люк! – кричу я, как только слышу его голос. – Слава богу, ты ответил! Знаешь что?

– Бекки, что с тобой? – тревожится он. – Что стряслось?

– У меня все прекрасно! Слушай, нам надо сменить врача! Я тут только что узнала об одной потрясающей специалистке по имени Венеция Картер, у которой наблюдаются все знаменитости. У нее бывают буквально все, она чудо и принимает прямо рядом с нами! Лучше не придумаешь! И я как раз собираюсь ей звонить!

– Не понимаю, Бекки, о чем ты говоришь, – изумленно отзывается Люк. – Не будем мы менять врача! У нас уже есть свой врач. Притом отличный.

Он что, не слушает меня?

– Да знаю, – отмахиваюсь я. – А Венеция Картер принимает роды у всех кинозвезд! У нее холистический подход!

– Холистический? Это еще что такое?

Произвести впечатление на Люка явно не удалось. Какое у него все-таки ограниченное мышление.

– Это значит, что все у нее рожают просто замечательно! С тайским массажем! Я только что познакомилась в «Бамбино» с двумя девушками, и они говорят...

– Не понимаю, чем она лучше доктора Мозгли, – прерывает меня Люк. – Нам известно, что у него богатый опыт, что он знает свое дело, он друг семьи...

– Но... но... – в досаде начинаю я.

– Что «но»?

И я вмиг тушуюсь. Не могу же я выпалить «Но ведь доктор Мозгли не устраивает званые чаепития с супермоделями»!

– А может, я хочу ходить на осмотры к женщине! – вдруг осеняет меня. – Об этом ты подумал?

– Тогда давай попросим мистера Мозгли порекомендовать нам кого-нибудь из коллег, – непреклонно заявляет Люк. – Бекки, наша семья знает мистера Мозгли не первый год. Не стоит мчаться к никому не известному модному врачу только потому, что его расхвалили какие-то пациентки.

– Но Венеция Картер – известный врач, в том-то и дело! Пациентки у нее сплошь знаменитости!

– Бекки, остановись. – В голосе Люка вдруг слышатся стальные нотки. – Напрасно ты все это затеяла. Прошло уже больше половины беременности. Врача мы менять не будем, и точка. Все, пришел Йен, мне пора. До встречи.

Телефон умолкает, а я сердито смотрю на него.

Как Люк смеет решать за меня, к какому врачу мне ходить? Что в нем хорошего, в этом его драгоценном мистере Мозгли? Я запикиваю мобильник и буклет в сумочку и в ярости принимаюсь набивать корзину костюмчиками фирмы «Крольчонок».

Ничего Люк не понимает. Если Венецию Картер выбирают все кинозвезды, значит, она просто не может быть плохим врачом.

И все будет хорошо. Просто распрекрасно.

Мне вдруг представляется, как я лежу в больнице, баюкаю новорожденного малыша, а на соседней койке – Кейт Уинслет. А у стены – Хайди Клум. И все мы подружились! Мы покупаем друг другу символические подарки, наши дети навсегда связаны незримыми узами, мы будем вместе ходить в парк и фотографироваться для журнала «Хелло!». И подпись: «Кейт Уинслет везет коляску и болтает с подружкой».

Или даже «со своей лучшей подружкой Бекки».

– Простите, может быть, возьмете вторую?

Незнакомый голос прерывает мои мысли, я оборачиваюсь и вижу продавца, который смотрит на мою переполненную корзину. Оказывается, я увлеклась и сгребала все подряд.

– О, спасибо, – растерянно бормочу я, беру вторую корзину и плетусь к полкам с миниатюрными шляпками из коллекций «Звездочка» и «Маленькое сокровище». Но мне сейчас не до шляпок.

Хочу быть пациенткой Венеции Картер. И мне все равно, что скажет Люк.

Вдруг расхрабрившись, я с вызовом достаю телефон и буклет, отхожу в тихий уголок магазина и старательно набираю номер.

– Приемная Венеции Картер. Добрый день, – раздается в трубке бархатный голос.

– О, здравствуйте! – Я вкладываю в приветствие все свое обаяние. – В декабре у меня будет ребенок, я слышала, что Венеция Картер замечательный врач и просто хотела узнать, нельзя ли мне записаться к ней на прием.

– Сожалею, – вежливо, но твердо отвечает секретарь, – в настоящее время у мисс Картер весьма плотный график.

– Но мне очень надо! Мне никак не обойтись без холистических родов в воду. И живу я в Мейда-Вейле, и приплатить могу...

– У мисс Картер абсолютно нет...

– ...и кстати, совсем забыла: я работаю личным консультантом по шопингу, поэтому буду рада предложить мисс Картер мои профессиональные услуги. – Меня уже несет, не могу остановиться. – У моего мужа собственная фирма, занимающаяся пиаром, он может бесплатно провести рекламную кампанию для мисс Картер! Конечно, в лишней рекламе она не нуждается, – спохватившись, добавляю я, – но, может быть, вы все-таки спросите у нее, а? Пожалуйста!

Молчание.

– Представьтесь, будьте добры, – наконец просит секретарь.

– Ребекка Брэндон, – с жаром отзываюсь я. – Жена Люка Брэндона из «Брэндон Комьюникейшнс», так что...

– Подождите минутку, миссис Брэндон. Венеция... – Разговор прерывают «Времена года» в непривычном ускоренном темпе.

Только бы она согласилась. Только бы согласилась.

В ожидании я почти не дышу. Застыла возле стеллажей с белыми трикотажными кроликами, изо всех сил скрестила пальцы, вцепилась на всякий случай в связку амулетов и талисманов и посылаю беззвучные молитвы богине Вишну, которая раньше часто выручала меня.

– Миссис Брэндон!

– Алло! – Я мгновенно забываю об амулетах. – Слушаю вас!

– Скорее всего, в ближайшее время в расписании мисс Картер появится непредвиденное окно. В течение нескольких дней мы известим вас дополнительно.

– Отлично, – с облегчением вздыхаю я. – Спасибо вам огромное!

КОРОЛЕВСКИЕ АВИАЛИНИИ

Главный офис, Престон-Хаус
Лондон, Кинсуэй 354
Миссис Р. Брэндон
Квартал Мейда-Вейл, 37
Мейда-Вейл
Лондон
14 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,

Благодарим Вас за письмо, а также за приложенную информацию о маршрутах полетов, справку от врача и снимки.

Я согласна с Вами: Ваш будущий ребенок уже совершил немало полетов самолетами компании «Королевские авиалинии». К сожалению, при подсчете общего количества преодоленных миль они не будут учтены, поскольку ни на один из упомянутых рейсов Ваш ребенок билетов не покупал.

Сожалею, что вынуждена разочаровать Вас. Надеюсь, в будущем Вы снова выберете компанию «Королевские авиалинии».

С уважением,

Маргарет Макнэр,

менеджер службы поддержки клиентов.

3.

О Венеции Картер я больше не упоминаю.

Во-первых, еще ничего не решено. А во-вторых, если супружеская жизнь и научила меня чему-то, так это умению не заводить разговоров на щекотливые темы, когда муж в запарке и одновременно открывает филиалы в Амстердаме и Мюнхене. Люк пропадал в разъездах всю неделю и только накануне вечером вернулся совсем измотанный.

И потом, смена врача – не единственная деликатная тема, которую мне давно пора поднять. Предстоит еще обсудить малюсенькую царапину на «мерседесе» (виновата не я, а тот, кто понаставил эти дурацкие столбы) и две пары туфель, которые надо забрать у Миу Миу, когда Люк будет в Милане.

Сегодня суббота, а я сижу в кабинете и с лэптопа проверяю свой банковский баланс. Сферу банковских интернет-услуг я открыла для себя всего пару месяцев назад и с тех пор не нарадуюсь. Ведь по Интернету состояние счета можно проверить в любой момент! Вдобавок из банка не присылают выписки по обычной почте, а значит, по дому они не расползутся и не попадутся на глаза никому (то есть мужу).

– Бекки, мама прислала письмо. – Люк входит с почтой и кружкой кофе. – Передает тебе привет.

– Твоя мама? – Мне едва удастся скрыть ужас. – Элино? Что ей надо?

У Люка две матери. Милая и добрая мачеха Аннабел живет вместе с отцом Люка в Девоне, и мы в прошлом месяце навещали их. А Снежная Королева и по совместительству настоящая мать Люка бросила сына, когда он был совсем маленьким, и укатила в Америку. Будь моя воля, я бы с Элино и знаясь не стала.

– Она путешествует по Европе вместе со своей коллекцией.

– Зачем? – тупо спрашиваю я. И тут же представляю Элино на пляже, со свернутыми в рулон картинками под мышкой. В таком виде она сама на себя не похожа.

– Сейчас коллекцию демонстрируют в галерее Уффици, затем она будет выставлена в Париже... – Люк обрывает себя. – Надеюсь, ты не подумала, что мама повезла картины развеяться на курорт.

– Вот еще! – возмущаюсь я. – Я сразу поняла, что ты имеешь в виду.

– Словом, она хочет встретиться с нами ближе к концу года, когда будет в Лондоне.

– Люк... А я думала, ты ее ненавидишь. Ты забыл, что решил больше с ней никогда не встречаться?

– Перестань, Бекки. – Люк слегка хмурится. – Нашему ребенку она приходится бабушкой. Нельзя просто взять и вычеркнуть ее из жизни.

Еще как можно, хочется парировать мне. Но я только с сомнением пожимаю плечами. Пожалуй, Люк прав. Ведь наш будущий малыш – единственный внук Элино. Ее кровинка.

Господи, а если ребенок уродится в нее? Перед глазами возникает жуткая картина: малыш в колясочке, в безукоризненном кремовом костюмчике от Шанель, возмущенно выговаривает мне: «Мама, опять у тебя неопрятный вид!»

– А чем это ты занимаешься? – вклинивается в мои мысли Люк, и я спохватываюсь. Слишком поздно, он уже идет прямо ко мне. И к моему лэптопу.

– Да так, ничем! – торопливо отвечаю я. – Банковский баланс смотрю...

Я щелкаю кнопкой, чтобы закрыть окно, а компьютер, как назло, зависает. Вот попала.

– Что-то не так? – интересуется Люк.

– Нет! – Я почти в панике. – То есть... просто выключила машину, да и все! – И я незаметно выдергиваю из розетки шнур.

Экран все равно светится. А на нем баланс – черным по белому.

Люк между тем приближается. Ладно, только бы на экран не смотрел.

– Дай-ка взглянуть... – Люк останавливается рядом. – На сайт банка зашла?

– Вроде как... Ничего страшного, честно...

Я пытаюсь загородить животом экран, но безуспешно. Несколько минут Люк ошеломленно смотрит на баланс.

– Бекки, – наконец произносит он, – здесь правда написано «Первый кооперативный банк Намибии» или мне мерещится?

– Э-э... да. – Надеюсь, мой голос звучит деловито. – Я завела в нем маленький такой интернет-счет.

– В Намибии?

– Оттуда мне прислали письмо и предложили очень выгодный процент, – слегка смущаясь, объясняю я. – Глупо было упускать такую возможность.

– Бекки, ты что, отвечаешь на все электронные письма, какие только получаешь? – Люк как будто не верит своим ушам. – Может, ты уже и заменитель виагры заказала?

Так я и знала: мою блестящую банковскую стратегию он не оценил.

– Не дави на меня! – возмущаюсь я. – Какая разница, в каком банке у меня счет? Люк, ты же сам говорил – коммерция вышла на глобальный уровень. Превыших границ уже не существует. И если можно на выгодных условиях открыть счет в Бангладеш, значит...

– В Бангладеш?

– Ох. Ну, в общем... Там у меня тоже есть счет. Совсем крохотный, – поспешно добавляю я, заметив, как переменялся в лице Люк.

– Бекки... – Похоже, столько новостей сразу Люку не осилить. – Скажи, сколько банковских интернет-счетов ты уже открыла?

– Три, – помедлив, отвечаю я. – Приблизительно.

Люк сверлит меня взглядом. Вот в чем главный недостаток мужей: они знают нас как облупленных.

– Ну хорошо, пятнадцать, – бормочу я.

– И по скольким у тебя перерасход?

– По пятнадцати. А что такого? – с вызовом добавляю я. – Для чего нужен банковский счет, если перерасходы запрещены?

Люк в изумлении хватается за голову:

– Пятнадцать перерасходов! Бекки, долги стран третьего мира – твоя вина.

– Я всего лишь поставила глобальную экономику себе на службу, – возражаю я. – Между прочим, за одно открытие счета Банк Чада выдал мне пятьдесят долларов премии!

Все-таки не умеет Люк мыслить глобально. Ну и что, если у меня пятнадцать счетов в банках? Всем известно, что нельзя класть все яйца в одну корзину.

– Ты, видимо, забыл, – высокомерно продолжаю я, – что я – бывший финансовый журналист. Мир финансов и инвестиций я знаю как свои пять пальцев. Чем выше риск, тем больше прибыль, и ты в этом еще убедишься.

Сразить Люка наповал не удалось.

– Благодарю, Бекки, азы инвестирования мне известны, – вежливо сообщает он.

– В таком случае... – Меня внезапно осеняет: – Надо заодно инвестировать в экономику Бангладеш трастовый фонд ребенка! Мы разбогатеем!

– Ты рехнулась? – Люк смотрит на меня в упор.

– А что такого? Это же развивающийся рынок!

– Вряд ли, – закатывает глаза Люк. – Тем более что я уже поговорил с Кеннетом насчет траста для ребенка, и мы решили вложить эти средства в ряд надежных паевых фондов...

Я вскидываю руку:

– Минуточку! Что это значит – «уже поговорил с Кеннетом»? А меня не спросил?

Ушам не верю: со мной даже не посоветовались! Словно со мной можно вообще не считаться. Будто я не была финансовым консультантом на телевидении и не получала каждую неделю сотни писем. Будто зрители не умоляли меня дать совет.

– Послушай, Бекки, – вздыхает Люк, – Кеннет охотно порекомендует нам самые выгодные инвестиции. Тебе не о чем беспокоиться.

– Не в этом дело! – Меня просто распирает от негодования. – Люк, ты не понимаешь. Мы скоро станем родителями. Значит, пора учиться принимать все важные решения вместе. А не то родной ребенок начнет лупить нас, нам придется прятаться от него в спальне и навсегда забыть про секс!

– Что?

– Думаешь, так не бывает? В «Суперняне» показывали!

Люк вконец озадачен. Напрасно он так редко смотрит телевизор.

– Ну хорошо, – наконец говорит он, – мы можем принимать решения вместе. Как скажешь. Но рисковать средствами нашего ребенка и вкладывать их в развивающийся рынок я не стану.

– А я не доверю их замшелому банку, от которого прибыли вообще не дождешься! – наношу ответный удар я.

– Тупик. – У Люка дергаются губы. – Что рекомендует эта твоя Суперняня, если у родителей принципиально разный подход к вложению капитала?

– Такого сюжета еще не было, – признаюсь я. В голову вдруг приходит идея. – Знаю! Мы поделим деньги. Ты вложишь половину, и я половину. И посмотрим, у кого лучше получится. – Не удержавшись, добавляю: – Ручаюсь, что у меня.

– А-а, ясно. Это вызов, не так ли, миссис Брэндон?

– Кто не рискует, тот не выигрывает, – бесстрастно заявляю я, а Люк смеется.

– Хорошо, так и поступим. Делим средства пополам, и каждый вкладывает их, куда сочтет нужным.

Я протягиваю руку:

– Решено. – Пока мы со всей серьезностью скрепляем сделку рукопожатием, звонит телефон.

– Я подойду. – Люк направляется к столу. – Алло!.. О, приветствую. Как дела?

Я выиграю, вот увидите! Выберу самые выгодные способы вложения капитала и озолочу нашего малыша. Пожалуй, я инвестирую средства во фьючерсы. Или в золото. Или... в искусство! Проще простого: надо только найти еще одного Дэмиена Херста, задешево купить у него заспиртованную корову или еще что-нибудь, а потом с бешеной прибылью продать ее на аукционе Сотбис, и все будут восхищаться моим талантом и дальновидностью...

– Вот как? – произносит Люк. – Нет, мне она не говорила. Ну что ж, спасибо. – Он кладет трубку и с недоуменным видом оборачивается ко мне: – Бекки, звонил Джайлс из агентства недвижимости, вроде бы ты связывалась с ним на этой неделе. О чем шла речь?

Влипла. Ведь чувствовала, что забыла еще одну щекотливую тему. Пора составлять список.

– А-а, это... – Я прокашливаюсь и рассеянно собираю в стопку бумаги на своем столе. – Да просто я сообщила Джайлсу, что мы готовы отказаться от прежних требований. Например, слегка расширить район поисков, как ты и предлагал.

– Слегка? – недоверчиво переспрашивает Люк. – Вплоть до островов Карибского моря? Джайлс уже высылает нам описания восьми вилл на берегу и интересуется, заказывать билеты на самолет или пока не надо!

– Люк, но ты же сам сказал, что поиски нужно вести не только в своем районе! – оправдываюсь я. – Это была твоя идея!

– Я имел в виду – в Кенсингтоне! А не на Барбадосе!

– А ты видел, что нам предлагают на Барбадосе? – оживляюсь я. – Ты только взгляни! – Оттолкнувшись, я подкатываюсь в своем кресле на колесиках прямо к его столу, захожу в Интернет и открываю сайт карибского агентства недвижимости.

Эти сайты с недвижимостью такая прелесть! Особенно с виртуальными экскурсиями.

– Видишь? – указываю я на экран. – Вилла с пятью спальнями, гигантским бассейном, водяным садиком и коттеджем для гостей!

– Бекки... – Люк делает паузу, словно размышляя, как бы получше втолковать мне, что к чему. – Эта вилла. Находится. На Барбадосе.

Любит же он цепляться к мелочам.

– И что? – удивляюсь я. – Наоборот, классно! Ребенок плавать научится, ты будешь рассылать электронные письма из коттеджа для гостей, а я – каждое утро делать пробежки по пляжу...

Соблазнительная картина: я в бикини из одних тесемочек везу коляску – такую специальную коляску для мамаш, увлекающихся бегом трусцой, – по белоснежному карибскому пляжу. А бронзово-загорелый Люк в тенниске потягивает пунш с ромом. Может, он даже увлечется серфингом и снова будет носить бусинки в волосах...

– Ну уж нет, цеплять на волосы бусы не стану, – прерывает мои мечты Люк.

Мистика какая-то! Мысли мои прочел, что ли?

Да нет, не может быть. Наверное, я уже делилась с ним карибскими фантазиями.

– Послушай, милая, – говорит Люк и садится, – лет через пять мы подумаем об этом серьезно. Если все пойдет по плану, к тому времени у нас будет уйма возможностей. А пока придется жить в центре Лондона.

– Тогда что же нам делать? – Я раздраженно пробегаю взглядом страницу с барбадосской недвижимостью. – Ведь на лондонском рынке ни единого стоящего предложения. А скоро Рождество, нас выставят на улицу, и будем мы скитаться – бесприютные, с младенцем, давиться бесплатным супом...

– Бекки, – вскинув руку, перебивает меня Люк, – супа не будет!

Он открывает свою почту, находит приложение к письму и жмет кнопку печати. Секунда – и пробуждается принтер.

– Что там? – любопытствую я. – Что ты делаешь?

– Сейчас. – Люк собирает распечатки и протягивает мне. – Джайлс поэтому и звонил. На случай, если мы «еще не передумали насчет Лондона», как он выразился. Предложение только что поступило, дом совсем рядом, за углом. На Деламейн-роуд. Но решать надо быстро.

Я просматриваю первую страницу:

«Элегантный семейный дом... идеален для приема гостей... просторный холл... великолепная, роскошная кухня...»

Ого. Поневоле заинтересуешься.

«Сад с игровой зоной, обустроенной по проекту ландшафтного дизайнера... шесть спален... гардеробная со стенным шкафом для обуви...»

У меня захватывает дух. Стенной шкаф для обуви! Это же просто другое название для...

– Даже «обувная гардеробная» есть. – Люк смотрит на меня с усмешкой. – Джайлс этому особенно рад. Может, сходим и посмотрим?

Я в восторге от этого дома! И не только из-за обувной гардеробной. Перечитываю описание – и прямо вижу, как мы с Люком живем в новом прекрасном доме. Принимаем душ в бескаркасной кабинке «Рейнджет», облицованной известняком... варим кофе в кухне «Балт-

хауп», оборудованной по последнему слову техники... а потом, может быть, гуляем по уединенному, обращенному на запад саду среди великолепных взрослых экземпляров разнообразных кустарниковых растений. Не знаю, что это такое, но как звучит!

В тот же день мы пешком идем по зеленой Мейда-Вейл осматривать наш будущий дом. В руке я судорожно сжимаю листок с описанием, но мне он без надобности: я заучила его наизусть.

– Двадцать четвертый... Двадцать шестой... – Люк щурится, вглядываясь в номера домов, мимо которых мы проходим. – Наверное, он на другой стороне.

– Вот он! – Я застываю как вкопанная и смотрю на противоположную сторону улицы. – «Впечатляющий портик с колоннами, двустворчатые дверями и стильным веерообразным окном над ними!» Какая красота! Идем скорее!

Я уже готова бежать через улицу, но Люк удерживает меня за руку:

– Бекки, сначала выслушай меня.

– Ну что еще? – Я пытаюсь высвободить руку, рвусь, как пес с поводка. – Что такое?

– Давай вести себя сдержанно, ладно? Просто попридержим восторг, и все. Первое правило любой сделки гласит: выглядеть надо так, будто ты в любой момент можешь уйти не оглядываясь.

– А-а... – Я перестаю вырываться. – Хорошо.

Сдержанность. Это по мне, это я умею.

Но когда мы приближаемся к парадной двери, мое сердце дико колотится. Это наш дом, я сразу его узнала!

– Суперская дверь! – восклицаю я, нажимая на кнопку звонка. – Такая лакированная!

– Бекки... не забывай: никаких эмоций, – предостерегает Люк. – Делай вид, будто ты и не такое видала.

– Ах да, точно.

Едва я успеваю напустить на себя бесстрастный вид, как дверь открывается.

За дверью, на полу, выложенном черно-белой мраморной плиткой, стоит тоненькая женщина лет сорока. На ней белые джинсы «Дольче и Габбана» и топик в повседневном стиле, который – я-то знаю! – обошелся ей не меньше чем в пятьсот фунтов. И кольцо с большущим бриллиантом – непонятно, как она вообще поднимает руку с такой тяжестью.

– Привет, – произносит она томно, но с акцентом под простецкий. – Вы по поводу дома?

– Да! – Эх, слишком поторопилась с ответом. – То есть... вообще-то да. – Я старательно подражаю невозмутимой незнакомке. – Пожалуй, мы не прочь его осмотреть.

– Я Фабиа Паскали.

Рукопожатие у хозяйки влажное и какое-то ватное.

– Бекки Брэндон. А это мой муж Люк.

– Прошу, проходите.

Мы следуем за ней, нас провожает гулкое эхо шагов, а я оглядываюсь по сторонам и с трудом сдерживаюсь, чтобы не ахнуть. Холл необозримый. Изогнутая лестница похожа на голливудскую декорацию. Живо представляю, как медленно шествую по ней в потрясающем вечернем туалете, а восхищенный Люк ждет меня у подножия.

– Здесь проводили фотосессии, – говорит Фабиа, указывая на лестницу. – Мрамор привезен из Италии, люстра – антикварное муранское стекло. Входит в стоимость дома.

Вижу, Фабиа ждет моей реакции.

– Недурно, – замечает Люк. – А как тебе, Бекки?

Поменьше эмоций. Надо вести себя сдержанно.

– Да, ничего, – соглашаюсь я, зевая. – Можно посмотреть кухню?

Кухня изумительна, как и все остальное. Широкая барная стойка, стеклянная крыша, вся-вся техника, известная человечеству. Из последних сил стараюсь удержать отвисающую челюсть, а Фабиа перечисляет экспонаты:

– Печь индукционная с духовкой... встроенная варочная панель... вращающиеся многоярусные разделочные поверхности...

– Неплохо. – Небрежно, со скучающим видом я провожу ладонью по гранитной столешнице. – А встроенной электроформовки для суши нет?

– Есть, конечно, – отвечает Фабиа таким тоном, будто без этой штуковины и жить нельзя.

Даже электроформовка для суши у них есть!

Господи, это не кухня, а выставочный образец. И терраса, летняя кухня в пристройке и помещение для барбекю тоже. И гостиная со стеллажами от Дэвида Линли. Мы поднимаемся вслед за Фабией на второй этаж, а мне уже почти невольно держать в себе восторги.

– Вот гардеробная... – Фабиа приглашает нас в небольшую комнату, вдоль стен которой выстроились ореховые шкафы. – А этот стенной шкаф для обуви мне делали на заказ... – Она распахивает дверь, и мы входим в него. Ой, не могу больше. Куда ни глянь, всюду бесконечные ряды тувель, расставленных на чистеньких, обтянутых замшей полочках. «Лубутены»... «бланики»...

– Фантастика! – выпаливаю я. – И размер у меня такой же, и вообще! Значит, здесь и... (Люк осаживает меня предостерегающим взглядом.) То есть я хотела сказать... да, – я равнодушно пожимаю плечами. – Смотрится неплохо, пожалуй.

– У вас есть дети? – Мы выходим из гардеробной, Фабиа смотрит на мой живот.

– В декабре ждем первенца.

– А мои учатся в пансионе. – Фабиа срывает с руки пластырь «Никоретте», хмурится и бросает его в мусорное ведро. Затем достает из кармана джинсов пачку легких «Мальборо». – Теперь у них другие комнаты, но детские в прежнем виде. Можете осмотреть их, если хотите, – она щелкает зажигалкой и выпускает облачко дыма.

– Детские? – переспрашивает Люк и смотрит на меня. – Их несколько?

– Да, у каждого своя. У нас мальчик и девочка. Так и не собрались сделать ремонт. Вот это комната моего сына. – И она распахивает белую дверь.

Я застываю с разинутым ртом. Как будто в сказку попала. Стены сплошь покрыты росписью: зеленые холмы, голубое небо, лес и плюшевые мишки, устроившие пикник на опушке. В глубине комнаты – кровать в форме крепости, рядом – красный деревянный поезд на рельсах. В вагоны можно забраться, на скамейках в них рассажены игрушки.

Меня охватывает нестерпимое желание. Хочу мальчика. Как я хочу мальчика!

– А рядом комната моей дочери, – продолжает Фабиа.

С трудом вытаскиваю себя из мальчишеской детской, иду за Фабией через лестничную площадку, переступаю порог – и невольно ахаю.

Впервые вижу такую красоту. Мечта любой девочки! Здесь стены расписаны эльфами и феями, воздушные белые занавески подхвачены пышными бантами из лиловой тафты. А колыбелька вся в оборочках, вышитых английской гладью, как у маленькой принцессы.

Боже. Теперь мне хочется девочку.

И мальчика тоже. Почему нельзя родить сразу двоих?

– Что скажете? – поворачивается ко мне Фабиа.

Повисает пауза. У меня ком в горле, как я хочу эти детские. Никогда в жизни ни о чем так не мечтала! Весь дом хочу. Чтобы жить здесь, встречать первое семейное Рождество, украшать высокую елку на черно-белом мраморном полу в холле, вывешивать чулочки для подарков над камином...

– Очень мило, – наконец выговариваю я, слегка пожав плечами. – По-моему, да.

– Ну что ж, – Фабиа затягивается сигаретой, – пойдем осмотрим остальное.

Переходя из комнаты в комнату, я не чую под собой ног. Мы нашли свой дом. Наконец-то нашли.

– Давай же! – шепчу я Люку, пока мы изучаем водонагреватель. – Скажи ей, что мы согласны!

– Бекки, сбавь обороты. – Он посмеивается. – Так переговоры не ведут. Мы еще не все осмотрели.

Но я же вижу: ему здесь тоже очень нравится. У Люка разгорелись глаза, в холле он начинает расспрашивать про здешних соседей.

– Ну что ж, спасибо, – наконец произносит он, пожимая Фабию руку. – Мы свяжемся с вами через агентство.

Он что, железный? Почему до сих пор не схватился за чековую книжку?

– Большое вам спасибо, – добавляю я и уже собираюсь обменяться рукопожатием с Фабией, как в замке парадной двери лязгает ключ. Входит загорелый мужчина лет пятидесяти, в джинсах, кожаном пиджаке и со стильной папкой вроде тех, какие носят дизайнеры.

– Привет, – говорит он и обводит нас взглядом, как будто не может решить, знаком с нами или нет. – Как жизнь?

– Дорогой, это супруги Брэндон, – объясняет Фабиа. – Они осматривали дом.

Он хмурится.

– А-а. От Хэмптонов? Если бы я знал, что они придут, позвонил бы. Десять минут назад я уже принял предложение. От другого агента.

Меня пронзает ужас. Что-что он сделал?

– Мы тоже согласны! – вырывается у меня. – Цена нас устраивает!

Хозяин пожимает плечами и снимает пиджак.

– Сожалею, но дом уже продан. Тем американцам, которые приходили утром, – поясняет он Фабию.

Нет. Нет. Мы никому не отдадим дом нашей мечты!

– Люк, сделай же что-нибудь! – Я изо всех сил стараюсь сохранить спокойствие. – Предложи купить дом! Скорее!

– Так он вам нравится? – удивляется Фабиа. – Мне казалось, вы остались недовольны.

– Мы просто притворялись! – чуть не плачу я, плюнув на сдержанность. – Люк, я так и знала: надо было хоть что-нибудь сказать! Мы в восторге от дома! Я без ума от детских! Мы хотим заключить сделку!

– И готовы заплатить сверх указанной стоимости, – подхватывает Люк, выступая вперед. – Мы можем заключить сделку с максимальной быстротой: завтра же наш юрист свяжется с вашим...

– Послушайте, я же сказал – дом продан, – в изнеможении закатывая глаза, перебивает муж Фабию. – Мне надо выпить. Удачи вам в поисках. – Он удаляется в кухню и хлопает там дверцей холодильника.

– Мне очень жаль, – пожимает плечами Фабиа и ведет нас к двери.

– А как же... – беспомощно начинаю я.

– Ничего страшного. Если сделка не состоится, пожалуйста, известите нас. – Люк учтиво улыбается хозяйке, и мы медленно выходим навстречу вечеру.

Лето заканчивается, листья уже подсыхают. В окна дома напротив бьют лучи заходящего солнца.

Еще совсем недавно я представляла, как буду жить на этой улице. Водить по ней коляску, приветливо махать рукой соседям...

– Не может быть... – срывающимся голосом шепчу я.

– Подумаешь, дом. – Люк обнимает меня за поникшие плечи. – Найдем другой, еще лучше.

– Не найдем. Такого дома нам ни за что не найти. Лучше просто не бывает!

Взявшись за чугунную калитку, я замираю. Не могу я сдать просто так. Я не какая-нибудь размазня.

– Подожди здесь, – говорю я Люку и круто поворачиваюсь на каблуках. Проношусь по дорожке, взбегаю на крыльцо и успеваю втиснуть ногу между косяком и дверью, чтобы Фабиа не захлопнула ее. – Послушайте, – торопливо начинаю я, – пожалуйста, послушайте. Фабиа, нам очень-очень нравится ваш дом. Мы заплатим сколько вы скажете.

– Мой муж уже заключил сделку, – пьитися она. – Ничем не могу вам помочь.

– А вы его отговорите! Скажите, как мне вас убедить?

– Слушайте, это не я решаю, – вздыхает она. – Не могли бы вы убрать ногу?

– Я на все согласна! – кричу я в отчаянии. – Я куплю вам что угодно! Я работаю в модном магазине, могу достать потрясающие вещи...

Я осекаюсь. Фабиа все еще смотрит на мою ногу, втиснутую в щель. Потом переводит взгляд на другую.

Нет, она заинтересовалась не моими ногами, а моими ковбойскими сапожками от Арчи Суонна – на шнуровке, из искусственно состаренной телячьей кожи. Арчи – последняя сенсация в мире обувной моды, эти сапожки на прошлой неделе были в «Вог», в рубрике «Предмет желания». Фабиа посматривала на них с тех пор, как мы вошли в дом.

Фабиа глядит мне в глаза.

– Ничего сапожки, – говорит она. На миг я теряю дар речи.

«Сдержанность, Бекки, главное, сдержанность».

– Я за ними целый год охотилась, – наконец произношу я и понимаю, что ступаю по тонкому льду. – Таких нигде не найти.

– Я записана в очередь за ними в «Харви Николе», – не сдаётся Фабиа.

– Ну разве что... – небрежно отзываюсь я. – Но вам все равно не достанется. Изготовлено всего пятьдесят пар, и все они уже разобраны. Уж я-то знаю, я консультант по шопингу.

Чистейший блеф. Но если повезет, он сработает. От моих сапожек у Фабины прямо слюнки текут.

– Бекки! – окликает меня Люк и направляется к нам. – Что там?

– Люк! – Я поднимаю руку. – Стой на месте!

Чувствую себя Оби-Ваном Кеноби, который велит Люку Скайуокеру не влезать в разборки: рано еще, сущность Силы он пока не постиг.

Страхиваю с ноги левый сапожок, ставлю его на коврик у порога – он напоминает миниатюрный тотемный столб.

– Он ваш, – объявляю я, – если вы согласны принять наше предложение. Второй получите после подписания договора.

– Позвоните в агентство завтра, – предлагает Фабиа, задыхаясь от волнения. – Мужа я как-нибудь уболтаю. Дом ваш.

Получилось! Не может быть!

Прихрамывая, бегу от крыльца к Люку. Одна нога в сапоге, другая в чулке. Я кидаюсь к мужу на шею:

– Ура! Я добыла нам дом!

– Какой еще... Что ты сказала? И почему ты босиком?

А, это просто... итог переговоров, – беззаботно объясняю я и оглядываюсь. Фабиа уже сбросила золотистую балетку и сунула обтянутую джинсовой штаниной ногу в сапожок. И теперь вертит мыском, глядя на него как замороженная. – Если утром позвонишь в агентство,

то убедишься, что хозяйева согласны. Ждать следующего утра нам не приходится. Телефон Люка звонит меньше чем через два часа, когда мы едем к маме.

– Да? – произносит Люк в телефонный наушник. – Да... Вот как?

Я строю ему гримасы, мне не терпится узнать, в чем дело, но Люк не сводит глаз с дороги, и это здорово раздражает. Наконец он отключается и поворачивается ко мне с едва заметной улыбкой.

– Он наш.

– Й-есть! – ликующе визжу я. – Говорила же я тебе!

– Они переселяются в Нью-Йорк и хотят разделаться с продажей как можно скорее. Я пообещал завершить оформление к декабрю.

– И тогда к Рождеству у нас будет и ребенок, и роскошный новый дом! – Я радостно обхватываю себя обеими руками. – Вот здорово!

Лицо моего мужа сияет.

– Отличные новости. И все благодаря тебе.

– Ничего особенного, – скромничаю я. – Подумаешь, правильно провела переговоры. – Достаяю мобильник и уже собираюсь отправить Сьюзи СМСку с хорошим известием, как вдруг телефон звонит сам. – Алло! – радостно говорю я.

– Миссис Брэндон? Вас беспокоит Маргарет из офиса Венеции Картер.

– Ох... – Метнув взгляд в сторону Люка, я напрягаюсь. – Э-э... привет.

– Мы хотели сообщить вам, что в расписании мисс Картер все-таки возникло окно. Если вы не передумали, мисс Картер будет рада видеть вас и вашего мужа в четверг, в три часа дня.

– Ясно. – От волнения я слегка задыхаюсь. – М-м... да, конечно, я обязательно приду! Огромное вам спасибо!

– Не за что. Всего хорошего, миссис Брэндон.

Меня примет Венеция Картер! Я буду возвращаться среди знаменитостей и наслаждаться холистическим тайским массажем!

Осталось только уговорить Люка.

– Кто звонил? – спрашивает он, включая радио. Хмурясь, вглядывается в цифровой дисплей и жмет пару кнопок.

– Мне? – Телефон выскальзывает из рук прямо как нарочно; приходится наклоняться за ним.

Бояться нечего. Люк в чудесном настроении – ведь дом достался нам, и вообще все хорошо. Просто объясню ему, в чем дело, и точка. А если начнет возражать, напомню, что я взрослая зрелая женщина, а значит, вправе сама выбирать, где буду получать медицинское обслуживание. Вот именно.

– Э-э... Люк. – Раскрасневшись, я выпрямляюсь. – Это насчет мистера Мозгли.

– Да? – Люк поворачивает за угол. – Кстати, я пообещал маме пригласить к нам на ужин доктора и Дэвида.

На ужин? Господи, сплошные осложнения. Надо поскорее во всем признаться.

– Люк, послушай. – Надо подождать, когда он пристроится в хвост за грузовиком и сбавит скорость. – Я тут серьезно подумала и провела исследования...

Звучит солидно, даже если все исследования – это чтение раздела «Голливудские тенденции деторождения» на сайте «Знаменитые мамочки».

– Видишь ли... – я сглатываю слюну, – мне хотелось бы наблюдаться у Венеции Картер.

Люк раздраженно вздыхает.

– Бекки, не будем больше об этом. Мы ведь договорились...

– А она уже согласилась принять меня, – поспешно продолжаю я, – мы и встречу назначили. Все улажено.

– Какую встречу? – Люк тормозит у светофора и поворачивается ко мне.

– Речь о моем теле! – возмущенно напоминаю я. – Я имею право доверить его кому хочу!

– Бекки, нам посчастливилось попасть к одному из самых выдающихся гинекологов страны, а тебя тянет к какой-то никому не известной...

– Сколько раз можно повторять: ее все знают! – вскипаю я. – Она голливудская знаменитость! Она идет в ногу со временем, в курсе современных тенденций, организует замечательные роды в воду с цветами лотоса...

– С цветами лотоса? Очередная шарлатанка. – Люк зло вдавливает педаль газа. – Ни за что не стану рисковать твоим здоровьем и ребенком...

– Венеция не шарлатанка!

Напрасно я ляпнула про лотос. Ясно же было, что Люк не проникнется. Надо пойти другим путем.

– Дорогой, послушай... Ты же сам всегда говоришь, что людям нужно давать шанс.

– Ничего подобного. – Люк непрошибаем.

– Значит, пора попробовать! – раздражаюсь я.

Мы стоим перед «зеброй», по которой женщина толкает очень красивую коляску – зеленую, обтекаемую, как ракета, на высоких колесах. Ух ты. Надо бы и нам завести такую. Я щурюсь, пытаюсь разглядеть логотип.

Удивительно: до сих пор я вообще не замечала коляски. А теперь высматриваю их повсюду, даже в разгар ссоры с мужем.

Нет, просто серьезного разговора. А никакой не ссоры.

Пожалуй, лучше зайти с другой стороны.

– Знаешь, Люк, у меня в книге сказано, что беременная женщина должна доверять своим инстинктам. А мне инстинкты настойчиво советуют: «Иди к Венеции Картер». Это зов самой природы!

Люк молчит. Никак не пойму, почему он хмурится: то ли так пристально смотрит на дорогу, то ли сердится на мои слова.

– Можно сходить к ней один раз, на пробу – примирительно предлагаю я. – Только на один прием, и все. Если она нам не понравится этим и ограничимся.

Мы уже подъехали к дому моих родителей. Над дверью красуется огромный серебристый транспарант. Пока мы паркуемся, на капот приземляется сбежавший шарик, надутый гелием, на нем надпись «С шестидесятилетием, Джейн!»

– И потом, наш новый дом – моя заслуга, – не удержавшись, добавляю я. Хотя и понимаю, что дом здесь ни при чем.

Люк останавливает машину возле фургона с крупными буквами «Торжества в Оксшотте» на боку и наконец поворачивается ко мне.

– Уговорила, Бекки. – Он вздыхает. – Посмотрим, что это за птица.

4.

Сказать, что моя мама заранее рада будущему внуку, – значит ничего не сказать. Едва мы выходим из машины, мама бросается к нам со всех ног. По случаю праздника на голове у нее парадная укладка, щеки разругались от волнения.

– Бекки! А как мой маленький внучек?

Меня она даже взглядом не достаивает – все внимание достается животу.

– Ой, он подрос! Ты меня слышишь? – Она наклоняется. – Это я, твоя бабушка!

– Здравствуйте, Джейн, – вежливо приветствует маму Люк. – Нам можно войти?

– Ну конечно! – спохватывается мама и ведет нас в дом. – Входите! Присядь, Бекки, отдохни! Выпей чаю. Грэхем!

– Иду! – По лестнице спускается папа. – Бекки! – Он крепко обнимает меня. – Пойдем сядем. Сьюзи с детьми уже здесь...

– Уже! – восторгаюсь я.

Сто лет не видела Сьюзи. Вхожу следом за родителями в гостиную и вижу мою подружку: она сидит на диване рядом с Дженис, соседкой моих родителей. Светлые волосы Сьюзи собраны в узел, она кормит грудью одного из близнецов. Дженис смущенно ерзает, изо всех сил старается не смотреть на молодую мамочку.

– Бекки! – оживляется Сьюзи. – Боже, как ты классно выглядишь!

– Сьюзи! – На радостях я сжимаю ее в объятиях, но так, чтобы не придушить ребенка. – Ну как ты? Как малютка Клемми? – Я целую белокурую головку.

– Это Уилфрид, – розовеет Сьюзи.

Вот ведь. Вечно я их путаю. Вдобавок у Сьюзи бзик: вбила себе в голову, что Уилфрид похож на девочку. (И правда, похож. Особенно в кружавчиках.)

– А где остальные? – спешу я сменить тему.

– С Тарки.

Сьюзи смотрит в сторону окна. Проследив направление ее взгляда, вижу, что муж моей подруги, Таркин, возит моего крестника Эрни в садовой тачке вокруг праздничного шатра. Клементина приторочена к папиной груди.

– Еще! – Пронзительный визг Эрни приглушен оконным стеклом. – Папа, еще!

– Учись, Люк, – вот твое будущее, – усмехаюсь я.

– Угу-м... – Вскинув брови, Люк извлекает из кармана коммуникатор. – Почту надо отправить. Я сбегая наверх, ладно?

Он покидает комнату, а я плюхаюсь на мягкий стул рядом со Сьюзи.

– Хотите новость? Мы уже почти купили самый лучший дом в мире! Вот он! – Достая из сумочки подробное описание дома и торжественно вручаю маме. Мама восхищена.

– Какая прелесть, дорогая! Особняк?

– М-м-м... нет. Но зато он...

– А место для машины есть? – интересуется папа, заглядывая в описание поверх маминого плеча.

– Вообще-то нет, но...

– Грэхем, ну зачем им ставить машину возле дома? – вмешивается мама. – Они ведь в Лондоне живут! Там на каждом углу такси.

– Хочешь сказать, лондонцы и за руль не садятся? – иронизирует папа. – Думаешь, во всей столице не найдется человека, который сам водит машину?

– Ни за что не рискнула бы сесть за руль в Лондоне, – Дженис передергивается. – Знаете, они сначала дождутся, когда притормозишь у светофора... а потом как подрежут!

– Они? – раздраженно переспрашивает папа. – Это еще кто?

– Мраморные полы! О, дорогая! – Мама отрывается от описания дома и кривит губы. – А как же малыш будет учиться ходить? Придется застелить мрамор коврами. Какими-нибудь пестренькими берберскими, чтобы практичные были и немаркие.

Проще согласиться.

– А теперь – вторая новость, – громко объявляю я, стараясь направить разговор в прежнюю колею, и выдерживаю эффектную паузу. – Мы решили сменить врача. Теперь я наблюдаюсь у Венеции Картер.

– У Венеции Картер? – От удивления Сьюзи перестает разглядывать Уилфрида. – Серьезно?

Ха, я знала, что Сьюзи слышала про Венецию.

– Абсолютно. – Я сияю от гордости. – Нам только что сообщили, что у нее освободилось место. Правда, здорово?

Мама переводит взгляд с меня на Сьюзи.

– Значит, эта Картер хороший врач?

– Ее называют врачом элитной категории. – Сьюзи умело прикладывает Уилфрида к плечу. – Я читала про нее в «Харперс». Говорят, она бесподобна!

Врач элитной категории! Значит, я – элита!

– Она принимает всех супермоделей и кинозвезд, – не удержавшись, хвастаюсь я. – Устраивает для них званые чаепития, раздает дизайнерские подарочки и все такое. И я пере-знакомлюсь со всеми!

– Бекки, у вас же был прекрасный врач, – тревожится папа. – Стоило ли менять его?

– Папа, Венеция Картер совсем из другой лиги! – невольно раздражаюсь я. – Она лучшая из лучших. Я едва уговорила ее выкроить для нас время.

– Ну что ж, дорогая, когда прославишься – про нас не забывай, – говорит мама.

– Ни за что! Кстати, мы же сделали снимки на УЗИ! – Я лезу в сумочку, вынимаю рулончик снимков и вручаю маме.

– Вы только посмотрите! – ахает она, впиваясь взглядом в белесые пятна. – Грэхем, гляди, это же наш первый внучек! Точная копия моей мамы!

– Твоей? – недоверчиво переспрашивает папа и отнимает у нее снимки. – Ты ослепла, что ли?

– Бекки, я тут связала несколько вещичек для малыша, – робко начинает Дженис. – Теплые кофточки... шарфик... еще набор зверюшек для Ноева ковчега – только не по паре, а по три штуки, на случай, если потеряются.

– Дженис, как мило, – растроганно говорю я.

– Мне это в радость, дорогая! Обожаю вязать. Правда, я надеялась, что у Тома и Люси будут... – Дженис умолкает, но по-прежнему широко улыбается. – Увы, не судьба.

– Как дела у Тома? – осторожно спрашиваю я.

Том – сын Дженис. Мы с ним почти ровесники, три года назад у него состоялась шумная и пышная свадьба. А потом все пошло наперекосяк. Жена Тома, Люси, сделала татуировку и сбежала с парнем, который жил в трейлере, а Том, похоже, слегка тронулся и затеял строительство беседки в саду у родителей.

– О, у Тома все прекрасно! Почти не вылезает из своей беседки. Мы таскаем ему еду на подносах, – устало добавляет Дженис. – Том говорит, что пишет книгу.

– А, вот оно что! – ободряюще отзываюсь я. – О чем?

Дженис чуть не поперхнулась.

– О положении общества. Кажется.

Во время паузы все мы перевариваем эту новость.

– И в каком положении общество, по мнению Тома? – наконец интересуется Сьюзи.

– Так себе, – шепчет Дженис.

– Дженис, дорогая, выпей еще чаю. – Мама сочувственно похлопывает соседку по руке. – Или, может, хересу?

– Лучше хересу, – поразмыслив, решает Дженис. – Я сама налью.

Она направляется напрямиком к бару, а мама оставляет чашку.

– Так ты привезла каталоги, Бекки? – спрашивает она.

– Вот они. – Я тянусь за туго набитым пакетом, который мы прихватили с собой. – Здесь у меня «Цветущие и прекрасные», «Торговая компания "Все для самых маленьких"», «Маленькая белая компания»...

– А я привезла «Жожо маман бебе», – подхватывает Сьюзи. – Вместе с «Итальянским кашемиром для малышей».

– И я собрала все, что у меня есть. – Мама кивает на стопку каталогов на подставке для журналов. – «Стильный бэби» видели?

Бутуз на обложке одет в клоунский костюмчик.

– О-о! – стонет от восторга Сьюзи. – Никогда не попадался!

– Вот ты его и бери, – распоряжаюсь я. – Я возьму «Пти анфан», а ты, мама, – «Роскошное детство».

Со счастливым вздохом мы дружно принимаемся листать каталоги, где на каждой странице – младенчики на развивающих ковриках, в хорошеньких маечках, в стильных рюкзаках-кенгуру. Да ради одних этих шикарных вещей стоило завести ребенка!

– Буду загибать уголки там, где увижу что-нибудь интересное, – деловито решает мама.

– И я тоже.

Не свожу глаз с разворота, на котором все малыши наряжены зверятами. Обязательно купим нашему ребенку костюмчик белого медвежонка. Загибаю уголок, переворачиваю страницу и вижу изумительные миниатюрные лыжные костюмчики. А эти крошечные шапочки с помпончиками!

– Люк, надо бы нам как можно раньше поставить маленького на лыжи, – заявляю я, как только Люк входит в комнату. – Это так способствует развитию!

– На лыжи? – Он явно растерян. – Бекки, а я думал, ты терпеть не можешь лыжи.

Это правда: лыжи я ненавижу.

Но ведь можно же просто ездить куда-нибудь в Валь-д'Изер, красиво одеваться, а про лыжи и не вспоминать.

– Бекки, – прерывает мои мысли мама, – только взгляни на эту кроватку! Встроенный климат-контроль, воспроизведение колыбельных с цветомузыкой, убаюкивающая вибрация!

– Ух ты! – Я в восхищении изучаю снимок. – Невероятно! Сколько стоит?

– Модель люкс – тысяча двести фунтов, – объявляет мама, сверившись с описанием.

– Тысяча двести? – Люк едва не прыскает чаем. – Детская кроватка? Вы шутите?

– Это же новейшая разработка, – возражает Сьюзи. – С применением технологий НАСА.

– При чем тут НАСА? – недоверчиво фыркает Люк. – Нам что, ребенка в космос запускать?

– Ты не хочешь, чтобы у него было все самое лучшее? – спрашиваю я мужа и обращаюсь к Дженис: – А вам нравится?

Но Дженис меня не слышит: она перебирает снимки с УЗИ и промокает глаза скомканным платочком.

– Дженис... что с вами?

– Прости, дорогая. – Соседка шумно сморкается и залпом выпивает херес. – Джейн, можно мне еще стаканчик?

– Конечно, Дженис, не стесняйся, – ободряюще отзывается мама. – Бедняжка, – шепотом добавляет она, обращаясь ко мне и Сьюзи, – она так мечтает о внуках. Но Том носу

не кажет из этой своей беседки. А если и выходит оттуда... – Мама понижает голос: – Представляете, он уже несколько месяцев не стригся! А про бритые и не вспоминает! Говорила я ей: не будет следить за собой – ни одна порядочная девушка на него не польстится!

Но... (Ее прерывает звонок в дверь.) Наверное, банкетная компания. Я же просила их зайти через кухню! Папа встает:

– Я открою.

Мы снова углубляемся в каталоги.

– Как думаете, купить нам сиденье и подставку для ванной? – Я вглядываюсь в снимок. – И заодно надувную дорожную ванночку?

– Вот это возьми. – Сьюзи показывает мне картинку со стеганым слингом – такой повязкой, чтобы носить младенца спереди или на спине. – Классная штука. Уилфи из своего вылезать не желает.

– Непременно возьму! Загни уголок.

– Многовато уголков набирается. – Мама задумчиво смотрит на каталог. – Может, лучше будем загибать те страницы, на которых нет ничего интересного?

– Почему бы тогда уж не заказать все, что есть? А пару-тройку вещей, которые не понравятся, вернем обратно, – предлагает Люк.

А ведь это мысль...

Стоп. Он издевается. Ха-ха, очень смешно. Я уже почти придумала шпильку поострее, когда из холла слышится папин голос:

– Проходи, Джесс. Ты как раз к чаю.

Джесс приехала!

Боже мой, Джесс уже здесь!

– Быстро прячем каталоги! – шиплю я и нервно запихиваю свой за диванную подушку. – Вы что, Джесс не знаете?

– А вдруг она тоже захочет посмотреть? – возражает мама.

Мама никак не поймет, насколько Джесс зациклилась на бережливости. Она считает, что у Джесс просто «такой период», как у Сьюзи, когда та вдруг заделалась строгой вегетарианкой. И продержалась целых три недели – пока не извелась и не решила подправить впалые щеки бутербродом с грудинкой.

– Вряд ли, – отвечает Сьюзи, которая однажды гостила у Джесс и знает ее привычки.

Выхватив у мамы «Стильного бэби», Сьюзи запихивает его под переносное креслице Уилфрида – за секунду до того, как в дверях возникают папа и Джесс.

– Привет, Джесс! – жизнерадостно начинаю я и в изумлении умолкаю.

Мы не виделись месяца два, и за это время она изменилась так, что не узнать! Загорела, похудела, а в шортах-карго ее крепкие ноги кажутся еще длиннее. Стриженные волосы выгорели на солнце, зеленая тенниска без рукавов будто нарочно подобрана к ореховым глазам.

– Привет! – произносит она, сваливая на пол рюкзак. – Здравствуйте, тетя Джейн. Ну как ты, Бекки?

– Прекрасно! – Изо всех сил стараюсь не глазеть на нее, но ничего не выходит. – Потрясающе выглядишь! Загар сногшибательный!

Да?.. – Джесс окидывает себя равнодушным взглядом и лезет в рюкзак. – Я привезла кукурузного печенья. Его делают на севере Гватемалы, в местном кооперативе. – Она вручает маме коробку из грубого картона, и мама озадаченно вертит ее в руках.

– Очень мило, дорогая, – наконец говорит мама и ставит коробку рядом с чайником. – Садись, попробуй кексиков в глазури!

– О-о. – Джесс устраивается на кушетке и улыбается малышу Сьюзи. – Да это же Кле...

– Она осекается, заметив, что за спиной Сьюзи я одними губами выговариваю: «Уилфи!»

– Что, извини? – переспрашивает Сьюзи.

– Хотела узнать, где Клементина. Как вырос Уилфи! Невероятно!

Пока Сьюзи отвечает, я улыбаюсь Джесс поверх чашки. Боже мой, кто бы мог подумать? Мы с сестрой и моей лучшей подругой весело щебечем за чаем!

А ведь еще совсем недавно я была уверена, что потеряла обеих навсегда. Джесс – потому что мы крепко рассорились и наговорили друг другу столько гадостей, что до сих пор совестно вспоминать. А со Сьюзи мы едва не расстались потому, что у нее завелась новая подружка Лулу, которая разъезжала верхом, растила четверых детей и мнила себя самой-самой. Никак не пойму, что Сьюзи в ней нашла. Но во всем остальном мы со Сьюзи давние единомышленницы.

– Тебе я тоже кое-что привезла, Бекки. – Джесс опять ныряет в рюкзак и выкапывает со дна груды каких-то грязных тряпок.

Вскрикнув, Дженис отодвигается подальше.

– Дорогая, что это?

– Мы с Бекки будем делать гигиенические салфетки для малыша, – объясняет Джесс.

– Делать салфетки? – недоуменно переспрашивает мама. – Но зачем, дорогая, их в «Бутсе» полно – три фунта за две упаковки.

– Вид у них какой-то... будто ими уже кто-то вытирался, – рискует высказаться Дженис.

У Джесс уже готов ответ:

– Надо только прокипятить их и вымочить в мыльном растворе с маслом. Такие салфетки гораздо экологичнее. И не раздражают детскую кожу. К тому же их можно использовать повторно. В итоге экономится кругленькая сумма.

– Э-э... улет, – бормочу я и боязливо ворошу пальцем тряпки, на одной из которых виднеется клеймо «Королевская тюрьма Уондсуорт». Корзина с мерзкими старыми тряпками в детскую моего малыша попадет только через мой труп. Но Джесс так и пышет энтузиазмом, ужасно не хочется обижать ее.

– А еще я помогу тебе сшить слинг, – обещает она. – Из старых джинсов Люка. Это очень просто.

– Блестящая мысль! – На Люка смотреть я не отваживаюсь.

– Она у меня не единственная, – сообщает Джесс и усаживается лицом ко мне. – Тебе незачем соглашаться сразу, просто пообещай подумать.

– Ладно, – нервничая, киваю я. – Выкладывай.

– Ты готова рассказать всю правду?

– Всю правду? О чем?

– О том, как ты преодолела свою болезненную зависимость от магазинов и склонность к транжирству. – Джесс подается вперед, лицо у нее по-сестрински участливое. – Моя подруга – психолог-консультант, я рассказала ей о тебе и о том, как сильно ты изменилась. Она считает, что ты сможешь стать примером для пациентов из ее группы, страдающих той же зависимостью.

Чувствую, как мои щеки наливаются свекольным румянцем.

– Давай, Бекки, – прерывает молчание Сьюзи и наступает мне на ногу. – Покажи им всем!

– Я не прочь послушать, – заявляет Люк. – Когда это будет?

– Намечается просто встреча в неформальной обстановке, – продолжает объяснять Джесс. – Поговорим, как хорошие знакомые, о том, как противостоять давлению общества потребления. Особенно теперь, когда ты беременна. – Она сокрушенно качает головой. – Ведь это же уму непостижимо, сколько всякого барахла родители накупают детям.

– Эти каталоги – вселенское зло, – мрачно поддерживает Люк.

– Ну, что скажешь, Бекки? – Настойчивости Джесс не занимать.

Я слабо прокашливаюсь.

– Даже не знаю... Не уверена, что...

– Да ты не стесняйся! – Джесс пересаживается ко мне на диван. – Я искренне горжусь тобой, Бекки. И ты тоже должна собой гордиться. – Она вдруг хмурится и начинает ерзать. – На чем это я сижу? Что там такое? – Сунув руку под подушку, Джесс вытаскивает из-под себя два глянцевого каталога. Уголки загнуты чуть ли не на каждой странице.

Черт. И ведь обязательно заглянет в «Роскошное детство», а там на обложке малыш, с ног до головы упакованный в одежды от Ральфа Лорана и с бутылочкой от Диора, восседает в миниатюрном «роллс-ройсе».

– Бекки эту макулатуру в упор не видит, – поспешно заверяет Сьюзи. – Эти каталоги вообще не ее, а мои. Я их привезла.

Обожаю Сьюзи.

Джесс листает «Роскошное детство» и морщится:

– Отвратительно. Ну скажите, зачем ребенку надувная ванночка? Или дизайнерская колыбелька?

– И правда – зачем? – в тон ей подхватываю я. – Кошмар. Хотя, признаться, кое-что я бы купила...

– Джесс, дорогая, ты только взгляни! – решает прийти мне на помощь мама. – Бекки уже подыскала для малыша бесподобную кроватку! – Она судорожно листает каталоги. – Да где же она?.. Там и цветомузыка, и вибрация...

Я цепенею от ужаса.

Только бы мама не вздумала показать Джесс кроватку за тысячу с лишним фунтов.

– А, вот она! – Мама открывает «Стильного бэби».

– Джесс кроватками не интересуется. – Я пытаюсь перехватить каталог, но Джесс оказывается проворнее.

– На какой странице? – спрашивает она.

– Мам!

На этот незнакомый голос оглядываемся мы все. В дверях стоит хмурый тип – нечесаный, длинногривый, заросший щетиной. Кто этот тощий дылда с замусоленной книжонкой в мягкой обложке, понятия не имею...

Минутку. Неужели... Том?

Вот те раз. Еле-еле узнала. Значит, насчет бритвы мама не обманула: за бритву он не брался неделю, а то и больше.

– Папе надо помочь с фокусами, – без предисловий говорит он Дженис. – Кажется, кролик в шляпе застрял или что-то в этом роде.

– Ах ты господи! – Дженис отставляет чашку. – Побегу я. Том, детка, поздоровайся со всеми.

– Всем привет. – Том окидывает комнату беглым хмурым взглядом.

– Ты ведь знаком со Сьюзи, подругой Бекки? – щебечет Дженис. – А с ее сестрой Джесс?

– Привет, Том! – бодро произносит Сьюзи.

– Привет, – вторит Джесс.

Я нервно посматриваю на нее и морально готовлюсь к нотации: мол, намерение потратить тысячу фунтов на детскую кроватку – примета нашего порочного, декадентского времени. Но к моему изумлению, в каталог Джесс даже не смотрит – уронила его на колени и устала на Тома.

И Том прямо-таки ест ее глазами.

Джесс переводит взгляд на книгу в руках Тома.

– Это «Общество потребления» Бодрийера?

– Да. Читала?

– Бодрийяра – да, но другую книгу. «Система вещей».

– Она у меня тоже есть! – Том делает шаг в направлении дивана. – И как тебе?

Пауза.

– По-моему, его концепция симулякров и симуляции довольно интересна. – Джесс тербит серебряный кулон-горошину от Тиффани, который я ей подарила.

Раньше с Джесс такого не случалось. Бог мой, да она кокетничает с Томом!

– Я пытаюсь скоррелировать разрушение гиперреальностей с моим тезисом об энтропии постмодернистского капитализма, – кивает Том.

Отпад! Оба симпатичные, оба явно заинтересовались друг другом и вроде по-английски говорят, а никто, кроме них, ни слова не понимает. Точь-в-точь сериал «Однажды в Калифорнии», только прямо в маминой гостиной!

Переглядываюсь с Люком, он вскидывает брови. Мама толкает в бок Сьюзи, та прячет усмешку. Все мы сгораем от любопытства.

– Ну ладно, – говорит Том, – мне пора...

И тут Дженис срывается с места в карьер.

– Джесс, дорогая! – восклицает она, вскакивая с дивана. – Ведь мы с тобой до сих пор так и не познакомились толком! Почему бы тебе не зайти к нам на чай? Заодно и договоришь с Томом.

Джесс, похоже, в растерянности.

– Э-э... Но я приехала повидаться со всеми...

– На празднике и повидаетесь! – Дженис решительно подхватывает Джесс под загорелую руку и тянет к двери. – Джейн, Грэхем, надеюсь, вы не против?

– Ничуть, – беззаботно отзывается папа.

– Ну хорошо. – Джесс бросает взгляд на Тома и слегка розовеет. – Тогда до встречи.

– Пока! – хором отзываемся мы все.

Дверь за Джесс и остальными закрывается,

а мы переглядываемся, еле сдерживая ликование.

– Ну и дела! – Мама хватается за чайник. – Замечательно все устроилось, правда? Можно снести забор между нашими участками и разбить шатер на двух газонах сразу!

– Мам, ну что ты, в самом деле! – закатываю глаза я. Вечно она торопит события, навоображает себе невесть что...

Ой, а ведь малышу можно доверить нести кольца!

Пока Джесс гостила у соседей, Люк читал газету, а Таркин купал детей, мы со Сьюзи устроились в комнате, которая раньше была моей. Включили радио погромче, по очереди валялись в ванне с пышной пеной, пристраивались на край ванны и болтали, как раньше, в Фулхэме. Теперь Сьюзи сидит на кровати и кормит близнецов, а я крашу ногти на ногах.

– Скоро уже не сможешь, – говорит Сьюзи, наблюдая за мной.

– Почему? – тревожусь я. – Для ребенка вредно?

Она смеется:

– Да нет же, глупая! Просто не дотянешься.

Аж мурашки по коже. Понятия не имела, что меня так разнесет. Я прикладываю ладонь к животу, и малыш будто чувствует это.

– Ох! – вырывается у меня. – Крепко он пинается!

– Подожди, вот начнет коленками толкаться, – говорит Сьюзи. – Жутко так, будто внутри у тебя Чужой из фильма.

Теперь понимаете, почему беременным позарез нужны лучшие подруги? Потому что ни в одной книжке о беременности не найдешь таких слов – «жутко, будто внутри у тебя Чужой».

– Дорогая! – В комнату заглядывает Таркин. – Уилфи унести?

– Да, он уже наелся. – Сьюзи передает мужу спящего малыша, и тот приваливается к плечу Таркина, словно это его законное место.

– Как тебе мои ногти, Тарки? – спрашиваю я, шевеля пальцами ног.

Таркин такой милый. Когда мы только познакомились, он показался мне каким-то чудным и странным, даже поболтать с ним было не о чем. А теперь он с каждым годом меняется к лучшему, скоро станет совсем нормальным.

Таркин кидает рассеянный взгляд на мои ногти.

– Бесподобно. Ну, дружище, пора. – Он осторожно похлопывает Уилфи по спинке. – Поскакали в Кроваткинс.

– Тарки такой заботливый папа, – восхищаюсь я, когда он выходит.

– Да, он замечательный, – ласково соглашается Сьюзи, начиная кормить Клементину. – Вот только все время включает детям Вагнера. Эрни может спеть арию Брунхильды на немецком, а по-английски едва лепечет. Если честно, это меня слегка беспокоит.

Беру свои слова обратно. Таркин ничуть не исправился, все такой же чудик.

Достаю новую тушь и начинаю красить ресницы, а Сьюзи тем временем строит сметные рожицы Клементине и целует ее в пухлые течки. Умеет она все-таки найти подход к детям, наша Сьюзи.

– Как думаешь, Сьюзи, я буду хорошей матерью? – Эти слова сами срываются с языка я даже обдумать их не успеваю.

Сьюзи смотрит на мое отражение в зеркале.

– Конечно! Из тебя выйдет прекрасная мать! Ты будешь доброй, веселой и самой нарядной из всех мам на детской площадке...

– Но я же в детях совсем не разбираюсь. Ничегошеньки про них не знаю, честно.

– Так и я не знала, помнишь? – пожимает плечами Сьюзи. – Приспичит – ты и не заметишь, как всему научишься!

Все кругом заладили: научишься, научишься. А если нет? Вон алгебру я учила три года, и все без толку.

– Может, откроешь хоть какие-нибудь родительские секреты? – Я откладываю тушь в сторонку. – Ну например, какая у родителей обязательная программа.

Сьюзи задумчиво морщит лоб.

– Все мои секреты – это самые азы, – наконец признается она. – Известные всем и каждому.

Чувствую укол тревоги.

– Это какие? – Я стараюсь не выдать интереса. – Может, я и вправду их уже знаю...

Само собой. – Сьюзи начинает загибать пальцы: – Надо уметь оказывать первую помощь... следить, чтобы под рукой было все необходимое... курсы массажа могут здорово пригодиться... – Она поднимает Клементину и прикладывает к плечу. – Ты ведь собираешь «Бэби Эйнштейн»?

Все, я в панике. Впервые слышу про «Бэби Эйнштейн».

– Да ты не волнуйся, Бекки! – торопливо добавляет Сьюзи, взглянув на меня. – Это пустяки. Главное – уметь менять памперсы и петь детские песенки, и все будет в порядке!

Как подступиться к памперсам, я без понятия. И ни одной детской песенки не помню.

Боже, я пропала.

Через двадцать минут Сьюзи заканчивает кормить Клементину и сбегивает ее Таркину.

– Вот и все! – Она закрывает за мужем дверь и с воодушевленным видом оборачивается. – Мы одни. Давай сюда обручальное кольцо. И еще какой-нибудь шнурок.

– Держи. – Я нахожу в ящике туалетного стола ленточку от подарочной упаковки «Кристиан Диор». – Такая подойдет?

– Должна подойти. – Сьюзи продевает ленточку в кольцо. – Ну, Бекки, решай: ты правда хочешь знать заранее?

Ответить сразу мне мешает тень сомнения. А может, Люк прав. Может, надо сделать себе чудесный сюрприз. Но с другой стороны, какого цвета тогда выбирать коляску?

– Хочу! – решительно заявляю я. – Давай посмотрим.

– Тогда садись. – Сьюзи завязывает ленточку, смотрит мне в глаза и усмехается. – Это страшно интересно!

Сьюзи – самая-самая. Так я и думала, что ей известен верный способ. Сьюзи держит кольцо на ленточке над моим животом. Мы обе не сводим с него глаз.

– Не качается, – шепчу я.

– Закачается через минуту, – негромко отзывается Сьюзи.

И правда страшно. Как будто мы на спиритическом сеансе: так и кажется, что кольцо сейчас напишет имя покойника, окно захлопнется, а ваза грохнется на пол.

– Уже! – шипит Сьюзи. Кольцо начало покачиваться на ленте. – Смотри!

– О господи! – вполголоса вскрикиваю я. – Что это значит?

– Видишь, оно ходит по кругу? Значит, будет девочка!

Я ахаю.

– Точно?

– Да! У тебя родится дочь! Поздравляю! – И Сьюзи кидается ко мне с объятиями.

Девочка. На меня накатывает слабость. У меня будет дочь! Я знала, я с самого начала чувствовала девчоночьи вибрации.

– Бекки! – В комнату входит мама, вся такая шикарная в лиловых блестках и с ярчайшей помадой на губах. – Скоро начнут собираться гости. – Она переводит взгляд с меня на Сьюзи. – Детка, у вас все хорошо?

– Мама, у меня будет девочка! – не удержавшись, раскрываю секрет я. – Сьюзи проверила кольцом! Оно ходит кругами!

– Девочка! – Улыбка озаряет мамино лицо. – Так я и думала! О, Бекки, дорогая!

– Здорово, правда? – говорит Сьюзи. – У вас скоро появится внучка!

Маму переполняет восторг.

– И я наконец-то отделаюсь от твоего старого кукольного домика, Бекки. И перекрашу свободную комнату в розовый... – Она подходит ближе и пристально разглядывает мой живот. – Да, детка, ты носишь ребенка так, что сразу все ясно. Определенно девочка.

– А посмотрите-ка на кольцо! – предлагает Сьюзи.

Она снова поднимает кольцо за ленточку над моим животом и замирает. В полнейшей тишине кольцо вдруг начинает раскачиваться туда-сюда, как маятник. Некоторое время все молчат.

– Ты же говорила про круги, если не ошибаюсь, – наконец озадаченно произносит мама.

– Говорила. Сьюзи, что случилось? Почему оно качается?

– Без понятия! – Сведя брови, Сьюзи впивается взглядом в кольцо. – Возможно, там все-таки мальчик.

Мы дружно переводим глаза на мой живот, точно ждем от него ответа.

– Живот высокий, – подытоживает мама. – По всем приметам мальчик.

А минуту назад она говорила, что там определенно девочка. Ну и бог с ними, с приметами. Бабкины сказки тем и плохи, что все они – полный бред.

– Дорогие, нам пора к гостям, – спохватывается мама, услышав, что внизу взревела музыка. – Кит из «Лисы и винограда» уже здесь. Он делает отменные коктейли.

Сьюзи тянется за косметичкой:

– Минутка – и мы спустимся.

Мама уходит, а я с изумлением смотрю, как молниеносно Сьюзи красится.

– Черт возьми, Сьюзи! Ты что, готовишься к олимпиаде по скоростному макияжу?

– Погоди немного, – отзывается Сьюзи, одним движением накладывая на веки блестящие тени, – скоро и ты научишься краситься ровно за три секунды. – Она рывком развинчивает тюбик с помадой и тут же закрывает его, успев мазнуть по губам. – Готово!

Сьюзи натягивает через ноги элегантное платье из зеленого атласа, выхватывает из сумочки заколку в блестящих камешках и ловко сворачивает светлые волосы узлом.

– Какая прелесть! – люблюсь заколкой я.

– Спасибо. – Сьюзи смущается. – Это подарок Лулу.

– А-а... – Я присматриваюсь: ничего в ней хорошего, в этой заколке. – Ну и как... Лулу? – Вежливый вопрос дается мне с трудом.

Опустив голову, Сьюзи закалывает волосы.

– Замечательно. Пишет книгу.

– Книгу?

Вот уж не думала, что она еще и писательница.

– О кулинарии для детей.

– Правда? Пожалуй, надо будет почитать. Книга стоящая?

– Я еще не читала, – признается Сьюзи. – Но опыта ей не занимать – с четырьмя-то детьми...

Не понимаю, отчего вдруг голос у нее стал таким странным. Но тут Сьюзи поднимает голову, мы обе видим, что волосы у нее легли как попало, и взрываемся хохотом.

– Дай-ка лучше мне. – Я выпутываю заколку, расчесываю волосы и снова скручиваю их в узел, выпуская спереди тонкие прядки.

– Класс! – Сьюзи обнимает меня. – Спасибо, Бекки. Умираю, как хочу «Космо». Бежим!

И она буквально галопом вылетает из комнаты. Мне бы ее энтузиазм. Но думаю, из всех коктейлей мне достанется что-нибудь вроде «Фруктовой трезвенницы».

Вообще-то я не против: ведь во мне развивается новое человеческое существо. И все-таки, будь я Богом, уж я бы позаботилась, чтобы беременные могли пить коктейли. Я сделала бы их полезными для здоровья. А еще – чтобы руки не отекали. И никакой утренней тошноты! А тем более родовых мук...

Если уж на то пошло, я с удовольствием переделала бы весь мир.

Несмотря на безалкогольные коктейли, вечеринка удалась на славу. К полуночи гости набились в шатер, и мы вкусно поужинали. Папа произнес речь о том, какая мама – чудесная жена, мать, а в перспективе и бабушка. Сосед Мартин показывал фокусы, и это было нечто! Если не считать момента, когда он должен был распилить Дженис, а она услышала визг цепной пилы, перепугалась и завопила: «Не убивай меня, Мартин!» – а он продолжал орудовать пилой, точно маньяк из фильма ужасов!

Но все закончилось благополучно. Мартин сбросил маску, Дженис дали бренди, и она успокоилась.

Сейчас играет оркестр, все мы собрались на расчищенной площадке. Мама с папой кружатся в танце: разругались, улыбаются друг другу, на мамином платье сверкают блески. Сьюзи одной рукой обнимает Таркина за шею, а в другой держит Клементину, которая проснулась и больше спать не хочет. Том и Джесс пристроились в сторонке – болтают и как-то неловко переминаются на месте, наверное, пританцовывают. Том в смокинге здорово похорошел, я сразу заметила, а Джесс в черной вышитой юбке просто картинка! (Не зная

Джесс, я бы решила, что юбка от Дриса ван Нотена. Но скорее всего, ее сшил женский кооператив где-нибудь в гватемальской глуши и сбыл Джесс за тридцать пенсов. Обычное дело.)

Я в новеньком розовом платьице с фестончатым подолом танцую с Люком в обнимку, насколько позволяет живот. Отплясывающие неподалеку мама с папой машут нам, и я ответно улыбаюсь, стараясь не выдать ужаса. Да, я понимаю, что это их праздник, но танцевать мои родители совсем не умеют. Мама так несовременно вихляет бедрами, а папа месит воздух кулаками, точно ведет бой с тремя невидимыми противниками, не меньше.

Ну почему все родители не умеют танцевать? Что это, универсальный закон физики?

Внезапно меня посещает страшная мысль: а ведь и мы будем родителями! И через двадцать лет наш ребенок будет кривиться, глядя на нас.

Нет, этого я не допущу.

– Люк, – торопливо начинаю я, стараясь перекрыть музыку, – нам обязательно надо разучить какие-нибудь классные танцы, чтобы ребенку не было стыдно за нас!

– А я и так классно танцую, – возражает Люк. – Как профессионал.

– Ничего подобного!

– Между прочим, в юности я брал уроки танцев. Вальс сбациаю не хуже Фреда Астера.

– Вальс? – пренебрежительно фыркаю я. – Старье! Надо знать современные уличные движения. Эй, посмотри на меня.

И я начинаю судорожно дергать головой и всем телом, как показывают в рэперских клипах. Люк глядит на меня, вытаращив глаза.

– Милая, – наконец спрашивает он, – что это?

– Хип-хоп, – растолковываю я. – Уличные танцы.

– Бекки, детка! – Мама мчится ко мне, расталкивая танцующих. – Что с тобой? Схватки начались?!

Нет, ну вы только подумайте! Мои родные абсолютно не в курсе последних танцевальных тенденций!

– Все отлично! – отвечаю я. – Просто танцую.

Ох. Кажется, потянула мышцу-другую.

– Иди-ка сюда, Джей Ло. – Люк притягивает меня к себе.

Мама уже упорхнула поболтать с Дженис. Лицо Люка сияет. Он в хорошем настроении с тех пор, как во время кофе ему позвонили по работе.

– Кто звонил? – спрашиваю я. – Хорошие новости?

Только что получили добро на открытие офиса в Барселоне. – Нос Люка смешно подергивается – как всегда, когда он доволен жизнью, но хочет выглядеть невозмутимым. – Итого у нас будет восемь филиалов по всей Европе. И все это благодаря контракту с «Аркодас».

Он мне ни разу не говорил, что нацелился на Барселону! В этом весь Люк: молчит как партизан, пока не убедится, что сделка состоялась. Если бы дело сорвалось, о нем вообще никто не узнал бы.

Восемь филиалов. Да вдобавок лондонский и нью-йоркский. Это же целая империя.

Музыка сменилась, начинается медленный танец, и Люк обнимает меня. Краем глаза я вижу, что Джесс и Том бочком выдвигаются на площадку. Действуй, мысленно умоляю я Тома. Поцелуй ее, балда.

– Значит, все идет как по маслу? – спрашиваю я.

– Милая моя, дела обстоят так, что о большем нельзя и мечтать. – Люк смотрит мне в глаза уже без всякой насмешки. – Честное слово. Размеры нашей компании в ближайшее время увеличатся втрое.

– Ух ты! – Несколько минут я перевариваю новость. – Значит, мы будем мультимиллионерами?

– Вполне возможно, – кивает он.

Обладеть. Всю жизнь мечтала стать мультимиллионершей. Может, мы даже построим небоскреб и назовем его «Башней Брэнд она»!

– И остров купим?

У Сьюзи есть собственный шотландский остров, а мне такого подарка пока не перепало.

– Может быть, – смеется Люк.

Я уже собираюсь спросить про личный самолет, как вдруг ребенок начинает шевелиться. Я беру ладонь Люка и прикладываю ее к животу.

– Слышишь? Он здоровается.

– Привет, малыш, – ласково бормочет Люк, прижимает меня к себе, и я закрываю глаза, упоенно вдыхая аромат его лосьона для бритья. Мое сердце стучит в такт музыке.

Никогда в жизни я еще не была так счастлива. Мы танцуем щека к щеке, малыш ворочается между нами, у нас великолепный новый дом. а скоро мы станем мультимиллионерами! Лучше не бывает.

Тест-самопроверка на знание детских песенок

Выполнен Бекки Брэндон

У Мэри все наоборот...

Баран бежит за ней

И...

Том, Том, сын трубача...

Поехать в Лондон он решил...

Свалился во сне.

Набейте мне трубки...

Вся королевская конница, зовите моих скрипачей.

Не могут собрать.

Сбежали чашки, блюда...

Джекки-дружок сел в уголок...

Десять тысяч воинов было у него

Видит – булками торгуют...

Пастушок, труби в рожок...

Разбежались его овечки

А черт его знает, что там у него стряслось.

5.

Так. Наряд для самого первого визита к врачу, у которого бывают все знаменитости, выбран.

Расшитый кафтан, как у Джемаймы Хан.

Джинсы для беременных (эластичная вставка упрятана в карманы, а не торчит по-уродски спереди, на самом виду).

Новенькое белье для беременных от Эль Макферсон (сиреневое).

Босоножки от Прада.

По-моему, выгляжу очень миленько. Мне так кажется. Одергиваю кафтан и отбрасываю волосы за спину, глядя на себя в зеркало.

– Привет, – шевелю губами я. – Привет, Кейт. Привет, Эль. Боже, вот так встреча. А я как раз в трусиках твоей марки!

Нет. Про трусики, пожалуй, не стоит.

Еще раз придирчиво оглядываю себя в зеркало, добавляю последний штрих – чуток пудры – и беру сумочку.

– Люк, ты готов? – зову я.

Люк выглядывает из-за двери кабинета, прижав телефон подбородком.

– Минутку, Йен. – Он прикрывает ладонью микрофон. – Бекки, а мне обязательно надо с тобой?

– Что ты такое говоришь?! – ужасаюсь я. – Ну конечно, обязательно!

Минуту Люк смотрит мне в глаза, будто прикидывает, что я сделаю с ним, если он откажется.

– Йен, – говорит он в трубку, – тут у меня сложности. ... – Потом он скрывается в глубине кабинета и переходит на неразборчивое бормотание.

Сложности? О чем это он? Мы ведь условились сходить к врачу! В ярости я вышагиваю по холлу туда-сюда и мысленно репетирую все, что сейчас скажу. «Йен не может подождать один раз, для разнообразия? Почему вся наша жизнь должна вращаться вокруг "Аркодаса"? Тебе нет дела до нашего ребенка? А я для тебя хоть что-нибудь значу?»

Может быть, но как-нибудь в другой раз.

Наконец Люк снова возникает в дверях кабинета. Без телефона, но с пиджаком.

– Послушай, Бекки. ...

Так я и знала. Он не пойдет.

– Ты с самого начала не желал видеть Венецию Картер! – не удержавшись, упрекаю я. – Ты судишь о ней предвзято! Ладно, езжай по своим делам, а я со своими и без тебя справлюсь!

– Бекки, стоп. Я иду с тобой на прием.

– Да? – смягчаюсь я. – Тогда давай скорее. Туда идти минут двадцать.

– Поедем на машине. – Люк опять уходит в кабинет, и я иду за ним. – Йен как раз возвращается с совещания гостиничной группы. Он подвезет нас, мы по-быстрому переговорим в машине, а потом я присоединюсь к тебе.

– Ладно, – подумав, соглашаюсь я. – И так сойдет.

Кривлю душой, конечно. Йена Уилера я не выношу, меньше всего мне хочется садиться к нему в машину. Но заявить Люку об этом я не могу. С «Аркодасом» у меня отношения и без того натянутые.

Но виновата в этом не я, а Джесс. Несколько месяцев назад она втянула меня в масштабную экологическую акцию протеста против этой компании, и я возглавила протест, даже не подозревая, что борюсь с новыми перспективными клиентами Люка. Правда, Люку удалось

превратить протест в полезный пиар, а народ из «Аркодаса» сделал вид, будто у него есть чувство юмора. Но я-то знаю: мне ничего не простили.

– Насчет предвзятости ты ошибаешься, – продолжает Люк, поправляя галстук. – Но запомни, Бекки: от услуг мистера Мозгли мы откажемся только в том случае, если выяснится, что эта твоя акушерка действительно хоть что-то смыслит.

– Люк, она тебе понравится, – терпеливо убеждаю я. – Вот увидишь.

Я лезу в сумочку проверить, не забыла ли зарядить мобильник, и вдруг замираю, заметив на столе у Люка вырезку из финансового раздела, с описанием какого-то нового инвестиционного фонда. На полях вырезки нацарапано: «Фонд для ребенка?»

Ах, вот как!

Значит, подумываешь вложить детские деньги в индексный фонд¹, Люк? – словно невзначай бросаю я. – Свежее решение.

– Может, и подумываю, – так же небрежно отзывается Люк. – А может, просто блефую, чтобы одурачить шпионов конкурента.

– Твоей конкурентке шпионить незачем, – добродушно улыбаюсь я. – У нее своих блестящих идей хоть отбавляй. Понадобится консультация – обращайся, с удовольствием помогу. За умеренную плату.

– Очень хорошо. – Люк безукоризненно вежлив. – Стало быть, все идет успешно? Я про твоё инвестирование.

– Спасибо, великолепно. Лучше некуда.

– Замечательно. Рад слышать.

– Да... недавние вложения в сельское хозяйство Японии оказались на редкость... – Я зажимаю рот ладонью: – Ой, чуть не проболталась!

– Ладно тебе заливать, Бекки, – усмехается Люк. – Ну что, идем?

Мы выходим на улицу, Люк подводит меня к черному лимузину – «мерседесу» Йена.

– Люк, – кивает Йен со своего места. – Ребекка.

Йен – такой шкаф лет сорока, с седым ежиком. С виду ничего, симпатичный, только кожа у него плохая, и он маскирует дефекты автозагаром. И лосьоном после бритья от него несет издали. Не пойму, купается Йен в нем, что ли?

– Спасибо, что согласился подвезти, Йен, – говорю я с обворожительной улыбкой супруги крупного бизнесмена.

– Без проблем. – Йен переводит взгляд на мой живот. – Пирожков объелась, Ребекка? Обхохочешься.

– Вроде того, – отвечаю я любезно, как только могу.

Машина трогается с места. Громко прихлебывая, Йен пьет кофе.

– Сколько еще осталось?

– Семнадцать недель.

– А пока что подделываешь? А, знаю: занимаешься йогой. Моя подружка совсем на ней сдвинулась, – продолжает Йен, обращаясь к Люку. Я даже ответить не успеваю. – По мне, так это чушь собачья.

Ну вы подумайте, а? Во-первых, йога не чушь, а способ направить поток духовной энергии через чакры жизни. Если я не напутала.

А во-вторых, мне есть чем заняться, спасибо.

– Между прочим, Йен, я старший консультант в одном престижном лондонском универмаге. Так что на йогу почти не остается времени.

– В универмаге, говоришь? – Он поворачивается на сиденье и смотрит на меня. – Не знал. Это в котором?

¹ Фонд, структура инвестиционного портфеля которого привязана к структуре определенного фондового индекса.

Ну вот, сама себе вырыла яму.

– В одном... из новых, – туманно объясняю я, изучая свои ногти.

– Как называется?

– Универмаг?.. «Облик».

– «Облик»? – Йен смачно гогочет, чуть не роняет стакан с кофе. – Люк, а ты не говорил, что твоя жена пашет в «Облике»? Туговато идут делишки, да, Ребекка?

– Неплохо, – учтиво отзываюсь я.

– Неплохо? Да такой катастрофы в торговле еще не бывало! Скидывайте лучше акции, пока не поздно, – с тем же дурацким гогогом продолжает он. – Или ты на рождественскую премию рассчитываешь?

Этот тип начинает меня здорово раздражать. Одно дело, когда «Облик» критикую я сама, – как-никак я там работаю. Но совсем другое, когда его хаот все кому не лень.

– Вообще-то «Облик» дает оборот, – холодно замечаю я. – Да, мы медленно набирали темп, но все признаки доходности налицо.

– Тогда – флаг в руки. Хочешь совет? На твоём месте я бы подыскал другую работенку...

Я заставляю себя улыбнуться и отворачиваюсь. Делаю вид, будто смотрю в окно, а у самой внутри все так и кипит. Кто дал ему право поучать меня? Ну, я ему покажу. «Облик» еще раскрутится. Для этого нужно только... Покупатели нужны для начала, вот что.

Машина подруливает к тротуару, шофер в форме выходит, чтобы открыть дверцу.

– Еще раз спасибо, что подвез, Йен, – вежливо благодарю я. – Люк, я подожду тебя внутри.

– Угу. – Люк кивает, хмурится и щелкает замками дипломата. – Я не задержусь. И так, Йен, в чем недостатки проекта?

Шофер еще не успел помочь мне выбраться на тротуар, а мужчины уже углубились в бумаги.

– Тут недалеко, дойдете сами? Фенкасл-стрит за углом. А мне никак не проехать – видите, столбики, – извиняется водитель.

– Не беспокойтесь, отсюда я прекрасно дойду. О, сумочку забыла. – Я возвращаюсь к машине и слышу обрывок разговора.

– Люк, когда мне надо, чтобы решение было принято, я принимаю его, мать твою!

От резкого голоса Йена я вздрагиваю и вижу, как морщится Люк.

Немыслимо. Кем он себя возомнил? Если он большая шишка в бизнесе, значит, может хамить кому угодно? Так бы и высказала все, что о нем думаю!

Только вот Люк не оценит.

– До встречи, дорогой. – Я сжимаю его руку и беру сумочку. – Не задерживайся.

До приема еще есть время, поэтому я успеваю подкрасить губы и наскоро причесаться. Заворачиваю за угол и выхожу на Фенкасл-стрит. Прямо по курсу, шагах в двадцати от меня, – внушительное здание, украшенное лепниной. На стеклянной вывеске выгравировано: «Центр холистических родов Венеции Картер». На противоположной стороне улицы – толпа фотографов, все целятся объективами на дверь.

Я застываю как вкопанная, сердце ускоряет бег. Папарацци. И все остервенело щелкают затворами! Кого они там... что они...

Боже! Это же очередная «девушка Бонда»! Шествует прямо к центру – в розовом топике «Джуси» без бретелек, в джинсах, с заметно выпирающим животиком. Папарацци надрываются: «Сюда улыбочку, детка!», «Когда роды?»

Вот это я понимаю!

Стараясь держаться как ни в чем не бывало, я ускоряю шаг и подхожу к двери одновременно с той девушкой. Щелчки за спиной не смолкают. Я попаду в журналы сплетен вместе с «девушкой Бонда»!

– Привет, – смущенно произношу я, пока она жмет на звонок. – Я Бекки. Тоже беременна. Потрясающий у тебя топик.

Она смотрит на меня как на идиотку и открывает дверь, не удосужившись ответить.

Невежливая какая. Не беда, она же здесь не единственная. Вслед за розовым топиком вхожу в элегантный, отделанный плиткой вестибюль, а затем – в просторную приемную с креслами, обитыми сиреневым бархатом. На столике в центре гигантская зажженная свеча от Джо Малоун.

Подходя к стойке администратора, быстренько осматриваюсь. Две девушки в джинсах, с виду настоящие супермодели, листают «О'кей» и показывают друг другу картинки. Беременная на сносях, разодетая в «Миссони», заливается слезами, а муж держит ее за руку и обеспокоенно воркует: «Зайка, конечно, мы назовем ее Аспен, если тебе так хочется, просто я думал, что ты шутишь!»

Аспен.

Аспен Брэндон.

Лорд Аспен Брэндон, граф Лондонский.

Фу. Так себе имечко.

«Девушка Бонда» заканчивает разговор с администратором и садится в углу.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – обращается ко мне администратор.

– Да, будьте добры, – сияю улыбкой я. – Я записана на прием к Венеции Картер. Миссис Ребекка Брэндон.

– Присаживайтесь, миссис Брэндон. Мисс Картер сейчас примет вас. – Девушка улыбается и вручает мне брошюру. – Полистайте для ознакомления. Угощайтесь травяным чаем.

– Благодарю!

Я беру брошюру и сажусь напротив супермоделей. В колонках умиротворяюще звучит флейта Пана, к обтянутым атласом стендам прикреплены фотографии мамочек с новорожденными. Я наслаждаюсь атмосферой безмятежности и красоты. Не то что в скучной приемной мистера Мозгли с пластмассовыми стульями, обшарпанным ковровым покрытием и плакатами о пользе фолиевой кислоты.

Люк увидит эту приемную и будет приятно удивлен. Я знала, что приняла верное решение! С довольным видом листаю брошюру, прочитывая заголовки. «Роды в воду»... «Роды по системе рефлексотерапии»... «Роды под гипнозом»...

Выберу, пожалуй, гипноз. Звучит красиво.

Я как раз изучаю снимок молодой мамы с младенцем на руках, сидящей вроде бы в гигантской джакузи, когда администратор вызывает меня:

– Миссис Брэндон, Венеция ждет вас. Откладываю брошюру и встревоженно смотрю на часы.

– О, мужа до сих пор нет. Он должен появиться через несколько минут...

– Не волнуйтесь, – улыбается девушка. – Когда придет, я провожу его к вам в кабинет. Прошу сюда.

Все стены в устланном ковром коридоре увешаны снимками с автографами, а на снимках – молодые мамочки, все сплошь знаменитости. Проходя мимо, я верчу головой из стороны в сторону. Да, пора подумать, что надеть на роды. Может, Венеция Картер даст дельный совет.

Администратор дважды стучит в кремовую дверь, открывает и пропускает меня вперед.

– Венеция, к вам миссис Брэндон.

– Миссис Брэндон! – восклицает дама неопишуемой красоты, с длинными ярко-рыжими волосами. С распростертыми объятиями она шагает мне навстречу. – Добро пожаловать в «Центр холистических родов».

– Здравствуйте! – широко улыбаюсь я. – Зовите меня Бекки.

С ума сойти. Венеция Картер сама выглядит как кинозвезда! Она гораздо моложе и стройнее, чем я думала. На ней облегающий брючный костюм от Армани и свежая белая рубашка, волосы подхвачены шикарным черепаховым ободком.

– Как я рада видеть вас, Бекки! – Голос у нее серебристый и мелодичный, как у Доброй Волшебницы Севера. – Присаживайтесь, мы славно поболтаем.

Садясь, я замечаю винтажные лодочки от Шанель. А видели бы вы роскошный желтый топаз у нее на шее, на серебряной нити!

– Спасибо, что вы согласились принять меня на такой поздней стадии, – торопливо начинаю я, вручая Венеции свою медицинскую карточку. – Поверьте, для меня это много значит. А тувельки у вас – прелесть!

– Благодарю. – Она улыбается. – Итак, посмотрим. Срок двадцать три недели... первая беременность... – Наманикюренный пальчик скользит по строчкам, нацарапанным мисте-ром Мозгли. – Осложнения были? Почему вы решили сменить врача?

– Просто выбрала холистический подход, – увлеченно объясняю я, подавшись вперед. – Я прочла проспект вашего центра, и описание услуг потрясло меня до глубины души.

– Услуг? – недоуменно хмурит она светлые брови.

– То есть процедур при родах, – спешу исправиться я.

– Так... – Венеция Картер достает из ящика кремовую папку, берет серебристую ручку и пишет на папке мое имя и фамилию изящным наклонным почерком. – Выбрать наиболее подходящие роды мы с вами еще успеем. А пока поговорим о вас подробнее. Вы, как я понимаю, замужем?

– Да, – киваю я.

– И ваш муж, мистер Брэндон, сегодня придет на прием?

Он был бы уже здесь, если бы не пришлось в последнюю минуту проводить деловую встречу прямо в машине. Но он скоро будет.

– Прекрасно. – Венеция поднимает голову и улыбается, демонстрируя идеально ровные, блестящие белые зубы. – Наверное, ваш муж ждет не дождется ребенка.

– О да!

Я уже собираюсь рассказать, как мы с Люком вдвоем ездили на УЗИ, когда дверь приоткрывается.

– Пришел мистер Брэндон, – сообщает девушка.

Люк входит со словами: «Извините, задержался...»

– А вот и Люк! – радуюсь я. – Познакомься с мисс Картер.

– О, не надо церемоний! – смеется она. – Зовите меня Венецией, как все...

– Венеция? – Люк застывает. Уставился на Венецию, будто не верит своим глазам. – Так это ты?

У Венеции Картер отвисает челюсть.

– Люк? – шепчет она. – Люк Брэндон?

– Вы знакомы? – изумляюсь я.

Некоторое время все мы молчим.

– Когда-то вместе учились в Кембридже, – наконец говорит Люк. – Давно это было. Но... – он потирает лоб. – Картер... Значит, ты вышла замуж?

– Просто сменила фамилию, – с грустной улыбкой объясняет Венеция. – А ты на моем месте разве не сменил бы?

– Скажите, какую фамилию вы носили раньше? – вежливо интересуюсь я, но меня не слушают.

– Сколько лет, сколько зим... – Люк до сих пор не опомнился.

– Много. Слишком много, – Венеция отводит волосы от лица, и они льются по плечам расплавленным золотом. – Видишься с кем-нибудь из Браунса? С Джонатаном? Или Мэтью?

– Потерял все связи, – пожимает плечами Люк. – А ты?

– Кое с кем общалась, пока жила в Штатах. Но теперь я вернулась, и нам надо бы как-нибудь собраться...

Ее прерывает гудок. Венеция достает из кармана пейджер и отключает его.

– Извините, мне надо позвонить. Я отойду в соседний кабинет.

Она исчезает за дверью, а я смотрю на Люка. Его лицо светится, точно он получил кучу подарков на Рождество.

– Ты знаком с Венецией? Так это здорово!

– Да уж. – Он качает головой, словно сам не верит в то, что случилось. – В Кембридже мы были в одной компании. В то время ее звали Венеция Кал.

– Кал? – Не удержавшись, я хихикаю.

– Не самая подходящая фамилия для врача, – усмехается Люк. – Неудивительно, что она ее сменила.

– Ты близко знаком с ней?

Люк кивает:

– Мы учились в одном колледже. Венеция была самой способной из нас. Самой талантливой. Я всегда знал, что в жизни она преуспеет...

Открывается дверь, и Люк умолкает.

– Прошу прощения. – Венеция обходит нас и присаживается на край своего стола, небрежно закинув одну длинную, облаченную в «Армани» ногу на другую. – Итак, на чем мы остановились?

– Мы с Люком как раз говорили про совпадение! – объясняю я. – О том, что вы с ним знакомы!

– Да, совпадение редкое, – издает она серебристый смешок. – У меня перебивали сотни пациенток, но среди них до сих пор не было ни одной жены моего бывшего парня!

Улыбка замерзает на моем лице. Бывшего парня?

– Что-то не могу подсчитать, как долго мы встречались, Люк, – продолжает она. – Год? Они встречались целый год?!

– Не помню, – беспечно говорит Люк. – Дело давнее.

Стоп. Минуточку. Перемотаем пленку. Кажется, я что-то пропустила.

Венеция Картер – кембриджская подружка Люка. Но... он ни разу не упоминал о ней. Даже имени не называл.

С другой стороны, это ровным счетом ничего не значит. Какая разница? Бывшие подружки мне не помеха. По натуре я вообще не ревнива. Значит, о моем открытии не стоит и заикаться.

Или все-таки попробовать, но вскользь.

– Представь, дорогой, не припомню, чтобы ты рассказывал мне о Венеции, – с невозмутимой улыбкой сообщаю я Люку. – Смешно, правда?

– Не волнуйтесь, Бекки, – Венеция с доверительным видом наклоняется ко мне, – любовью всей жизни Люка я никогда не была и прекрасно знаю об этом....

От удовольствия у меня теплеет внутри.

– А-а, вот как, – скромненько так говорю я. – Что ж...

– Ею была Саша де Бонневиль, – заканчивает Венеция.

Что? Что-о?!

Любовь всей жизни Люка – никакая не Саша де Бонневиль, а я! Его жена!

– Ну и конечно, вы, Бекки! – с виноватым смешком добавляет Венеция. – Я говорила о прежних временах. О нашей компании из Браунса. Впрочем, – Венеция отбрасывает за спину свои огненные волосы и снова берется за папку с зажимом и ручку, – вернемся к родам!

– Да, – соглашаюсь я, приходя в себя. – В принципе, я не прочь рожать в воду, среди цветов лотоса...

– Кстати, ты бы заскочил как-нибудь вечером, Люк, – прерывает меня Венеция, – повидаться со старыми друзьями.

– С удовольствием, – кивает Люк. – Мы обязательно приедем, правда, Бекки?

– Да, – после паузы соглашаюсь я. – Идея супер.

– Простите, что перебила вас, Бекки, – улыбается Венеция. – Давайте продолжим. Так вы говорите – рожать в воду?

В кабинете Венеции мы проводим еще двадцать пять минут: и о витаминах болтаем, и об анализах крови, и о всякой всячине. Но мне, если откровенно, не до разговоров.

Я пытаюсь сосредоточиться, но мешают разные видения. Вот сейчас, к примеру, привиделись Люк и Венеция, одетые, как полагается кембриджским студентам, и страстно целующиеся в ялике. (А может, это был не ялик, а гондола. Словом, лодка такая с шестом.)

Потом мне представилось, как Люк перебирает длинные рыжие волосы Венеции. И бормочет: «Венеция, я тебя люблю».

Но это же бред. Чем угодно поручусь, что в любви он ей ни разу не признавался.

Спорим хоть на... на тысячу фунтов.

– Бекки!

Оказалось, прием уже закончился. Люк и Венеция поднялись и ждут, пока я спущусь на землю.

– Так вы составите для меня программу родов, Бекки? – спрашивает Венеция, открывая дверь.

– Не вопрос!

– Только смотрите, без лишних подробностей! Я просто хочу иметь представление о том, какими вы видите будущие роды. А тебе, Люк, я позвоню. Наши общие знакомые будут не прочь повидаться с тобой.

– Отлично! – Оживившись, Люк целует ее в обе щеки, и дверь за нами закрывается.

О чем думает Люк, понятия не имею. Честно говоря, я понятия не имею, о чем думаю сама.

– Ну что же... – наконец произносит он, – впечатляет. Весьма впечатляет.

– Э-э... да!

– Бекки, – Люк внезапно останавливается, – я должен извиниться перед тобой. Ты была права. Прости, что я не хотел идти сюда. Да, я действительно судил предвзято и глупо. А ты приняла абсолютно верное решение.

– Значит... ты не против, чтобы нашим врачом была Венеция?

– Ничуть! – В смехе Люка слышится недоумение. – А ты? Ведь ты, кажется, мечтала об этом?

– Ну... да, – соглашаюсь я, сворачивая проспект «Альтернативные способы обезболивания при родах» в квадратики – все мельче и мельче. – Конечно.

– Милая... Дорогая... – Люк вдруг озабоченно хмурится. – Если тебя пугает мое давнее знакомство с Венецией, уверяю, я...

– Пугает? – почти весело прерываю я. – Не смейся! Чего мне пугаться?

А мне и вправду страшно. Но как втолковать это Люку?

– Вы еще здесь? Отлично, – несется по коридору серебристый голосок Венеции. Обращиваюсь и вижу, как она спешит к нам с папкой в руках. – Бекки, вы же забыли подарок в честь первого посещения центра! Мы приготовили вам много интересного. И я еще вспомнила...

– Венеция, – перебивает ее Люк, – будем откровенны. Мы только что говорили о... наших прежних отношениях. По-моему, они смущают Бекки. – Он берет меня за руку, и я благодарно пожимаю его пальцы.

Венеция со вздохом кивает:

– Разумеется. Бекки, я прекрасно понимаю вас. Если вас что-нибудь не устраивает, ваша святая обязанность – обратиться к другому врачу. Я вовсе не обижусь! – Она дружески улыбается. – Могу сказать в оправдание только одно: в своем деле я – профессионал. Если вы решите остаться под моей опекой, я сделаю все возможное, чтобы роды стали для вас радостным событием. И еще, на всякий случай... – Она медлит несколько секунд. – У меня есть близкий друг.

– Не волнуйтесь, самооценка у меня не настолько низкая. – Я подхватываю ее веселый смех.

У нее кто-то есть! Стало быть, все в порядке!

Не понимаю, зачем я вообще нервничала. Боже, с этой беременностью я превращусь в параноика.

– Знаете что, – говорит Венеция Картер, – вы идите, подумайте, а если что-нибудь надумаете, мой номер вам известен...

– Нечего нам думать, – сияю я. – Показывайте, где тут у вас подарки для пациентов!

КЕННЕТ ПРЕНДЕРГАСТ

Финансовые консультации

Прендергаст де Витт Коннел

Лондон, Хай-Холборн, 394, Форвард-Хаус

Миссис Р. Брэндон

Квартал Мейда-Вейл, 37

Мейда-Вейл

Лондон

24 августа 2003 г.

Уважаемая миссис Брэндон,

Благодарю Вас за письмо. Мне известно об «инвестиционном пари», которое Вы заключили с Вашим супругом. Позвольте заверить Вас, что в мои намерения не входит ни раскрывать мистеру Брэндону подробности Ваших стратегий размещения средств, ни «продавать их по примеру какого-нибудь русского шпиона».

В ответ на Ваш запрос сообщаю: думаю, вложения в золото будут наиболее разумным решением с точки зрения интересов ребенка. В последние несколько лет золото пользовалось стабильным спросом и, по моему мнению, будет пользоваться им впредь.

С уважением,

Кеннет Прендергаст,

консультант по семейному инвестированию.

6.

Господи, как же угнетает работа.

На следующий день после визита к Венеции Картер я сижу за своим столом в зоне личных консультаций. Моя напарница Жасмин сгорбилась на диване. Наша тетрадь для записи консультаций пуста, телефон молчит, вокруг мерзость запустения. Я оглядываю торговый зал. Ни одного покупателя. Единственная живая душа на всем этаже – охранник Лен. Он совершает обычный обход, вид у него такой же кислый, как у всех нас.

Поневоле вспомнишь, как кипела работа в нью-йоркском «Барниз»: всюду огни, смех, веселые голоса, покупательницы с нарядами за тысячи долларов! А теперь за всю неделю я продала только колготки в сеточку да тренч с подстежкой. Это не магазин, а стихийное бедствие. При том что мы открылись всего десять недель назад.

Хозяин «Облика» – известный магнат Джордже Ласло. Предполагалось, что магазин будет популярным, многолюдным и шикарным, получится что-то среднее между «Селфриджз» и «Харви Николе». Но с самого открытия все пошло наперекосяк. Теперь мы посмешище для всей страны.

Сначала сгорел целый склад вместе с товаром, и открытие магазина пришлось перенести. Потом с потолка рухнули лампы и пришибли одну из наших ассистенток по красоте прямо в разгар демонстрации макияжа. Вскоре после этого объявили пять выходных дней из-за подозрений на вспышку «болезни легионеров» – пневмонии. Тревога оказалась ложной, но репутации магазина успела навредить. Газеты в один голос завопили, что над «Обликом» висит проклятие, и запестрели карикатурами – на них наши покупатели то спотыкались на ровном месте, то погибали под обломками здания (вообще-то обхохотаться можно, но неприлично же смеяться над чужой бедой).

С тех пор, как мы открылись, к нам никто не ходит. Видно, думают, что магазин еще закрыт или что в нем свирепствует зараза. Газета «Дейли уорлд», заклятый враг Джордже Ласло, никак не уймется: все подсылает к нам фоторепортеров под видом покупателей. А потом публикует снимки безлюдных залов с подписями: «Ни души!» или «И долго будет продолжаться эта бессмыслица?» Говорят, если в ближайшее время ситуация не изменится, магазин закроют.

С обреченным вздохом Жасмин переворачивает страницу и начинает читать гороскопы. Вот вам еще одна проблема: чем мотивировать подчиненных, если бизнес не идет? (Моя подчиненная – Жасмин.) Перед выходом на работу я прочла одну книжку Люка про менеджмент – там даются всякие советы для начальства. Так вот в этой книжке сказано, что особенно важно хвалить подчиненных в трудные времена.

Я уже похвалила прическу Жасмин, ее туфли и сумочку. А больше, честно говоря, и взгляду зацепиться не за что.

– Как же мне нравятся... твои брови, Жасмин! – вдруг осеняет меня. – Где тебе их сделали?

Жасмин смотрит на меня так, словно я приказала ей съесть детеныша кита.

– Не скажу!

– Почему?

– Это мой секрет. Скажи я тебе, так ты тоже туда пойдешь и будешь похожа на меня.

Жасмин тощая как щепка, с обесцвеченными волосами и пирсингом в носу. Один глаз у нее голубой, другой зеленый. Мы с ней, конечно, прямо близнецы.

– Да не хочу я быть похожей на тебя! – дружелюбно уверяю я. – Просто приведу в порядок брови, вот и все. Давай, рассказывай.

Она качает головой:

– Не-а. Еще чего!

Мне становится досадно.

– Между прочим, я рассказала тебе, где стригусь, – напоминаю я. – Дала свою визитку и порекомендовала лучшего стилиста. Тебе даже Скинули десять процентов на первый раз, помнишь?

Жасмин пожимает плечами:

– Так то волосы.

– А это всего лишь брови! На них никто и не смотрит!

– Это тебе так кажется.

О гос-споди. Уже собираюсь заявить, что мне наплевать, где ее бровям придают такую уродскую форму (вранье, конечно, – я в них прямо влюбилась), как вдруг слышу шаги. Широкою, тяжелую, по-хозяйски уверенную поступь.

Жасмин второпях сует журнал со сплетнями под стопку свитеров, а я притворяюсь, будто поправляю шарф на манекене. Из-за угла выворачивает наш директор по маркетингу Эрик Уилмот с парочкой ребят в элегантных костюмах. Этих двоих я вижу впервые.

– А вот отдел личных консультаций, – натужно-веселым тоном объясняет Эрик. – Наша Ребекка раньше работала в «Барниз» в Нью-Йорке! Ребекка, познакомьтесь с Клайвом и Грэхемом из компании маркетинговых консультаций «Первые результаты». Они здесь, чтобы подкинуть нам парочку свежих идей. – И он вымученно улыбается.

Эрика назначили директором по маркетингу всего неделю назад, когда прежний директор уволился. Что-то не похоже, чтобы Эрик радовался новой должности.

– Покупатели сюда уже несколько дней не заглядывали, – скучным тоном заявляет Жасмин. – Тоска, как в морге.

– Хм... – Улыбка сползает с лица Эрика.

– В пустом морге, где даже трупов нет, – уточняет Жасмин. – Этот магазин хуже любого морга. В морге хотя бы есть...

– Мы в курсе, Жасмин, благодарю, – резко обрывает Эрик. – Нам нужна не информация о текущем положении, а решения.

– Как заманить сюда покупателей? – произносит один из консультантов, обращаясь к манекену. – Вот в чем вопрос.

– И как завоевать их преданность? – задумчиво вторит другой.

Ну дела. Этак и я могу работать консультантом по маркетингу: главное, костюм носить и задавать дурацкие вопросы.

– В чем заключается уникальность вашего торгового предложения? – интересуется первый.

– А его у нас нет, – не выдержав, проговариваюсь я. – Мы торгуем барахлом, которого везде навалом. Да, кстати: явившись к нам за покупками, можно заразиться чем-нибудь или сотрясение заработать. Так что без конкурентных преимуществ нам не обойтись!

Все трое изумленно тарашатся на меня.

– Преодолеть укоренившиеся в обществе представления об опасности будет труднее всего, – замечает первый консультант и хмурится. – Необходимо противостоять негативным отзывам, создать позитивный, здоровый имидж...

Ни черта он не понял.

– Да ни к чему это! – перебиваю я. – Если в продаже у нас появится то, чего больше нигде нет, покупателей никакая опасность не отпугнет. Когда я жила в Нью-Йорке, однажды я побежала на распродажу в аварийное здание. Снаружи там висели таблички «Не входите! Опасность обрушения», но я слышала, что туфли от Джимми Шу у них продаются с восьмидесятипроцентной скидкой. И решила рискнуть!

– Правда, что ли? Про скидку? – оживляется Жасмин.

– Да, только все туфли уже распродали, – с сожалением признаюсь я. – Зато я отыскала отпадный тренчкот. «Гуччи» – и всего за семьдесят долларов!

– Ты вошла в здание, которое могло обрушиться, – пучит глаза Эрик, – ради какой-то пары туфель?

Сдается мне, для этой работы он не создан.

– А как же! И не только я, но и сотни других девушек. Найдись у нас в «Облике» что-нибудь классное и эксклюзивное – да они сюда пулей примчались бы! И пусть рушится крыша! Главное, чтобы в магазине была диффузная коллекция товаров от модного дизайнера.

Эта мысль уже давно вертится у меня в голове. На прошлой неделе я даже пыталась обсудить ее с Брайанной, нашей шефиной по закупкам. Но она только покивала и попросила принести ей к восьми платье от Дольче, со стразами, потому что вечером ей идти на премьеру, а красное от Версаче слишком обтягивает зад. Непонятно, о чем я только думала.

Бог его знает, как Брайанну взяли к нам на работу. Вернее, знает весь универмаг. Брайанна – жена Джорджо Ласло и бывшая модель. На церемонии открытия «Облика» говорили, что лучшей кандидатуры на должность главного закупщика не найти, так как Брайанна «дока в своем деле и вращается в мире моды».

Жаль только, не добавили: «Увы, мозги у нее куриные».

– Диффузная... дизайнер... – записывает в блокнот первый консультант. – Надо поговорить об этом с Брайанной. У нее есть связи.

– К сожалению, сейчас она отдыхает, – сообщает Эрик. – Вместе с мистером Ласло.

– Тогда после ее приезда. А пока разовьем эту мысль. – Консультант захлопывает блокнот. – Идем дальше.

Вся троица удаляется, а я дожидаюсь, когда они свернут за угол, и раздраженно фыркаю.

– Ты чего? – спрашивает Жасмин, которая опять забралась на диван и шлет кому-то СМСки.

Они же так никогда с места не сдвинутся! Брайанна вернется через несколько недель, и вообще толку от нее ноль. Опять будут сплошные совещания и пустая болтовня, а магазин тем временем разорится.

– А тебе-то что? – равнодушно пожимает плечами Жасмин.

Как так можно – смотреть, как рушится бизнес, и пальцем не шевельнуть, чтобы попробовать спасти его?

– Мне не все равно, потому что... потому что это моя работа! Магазин мог бы преуспевать!

– Протри глаза, Бекки. Ну какой дизайнер согласится отдать сюда эксклюзивную коллекцию или хотя бы одну вещь?

– Пусть Брайанна попросит знакомых об одолжении, – не уступаю я. – Ведь она была моделью у Кельвина Кляйна, Версаче, Тома Форда... Неужто никого из них не сумеет убедить? Господи, да будь у меня в друзьях знаменитый дизайнер... – Я замираю на полуслове.

Минутку. Как же я раньше не додумалась? Жасмин поднимает голову:

– И дальше что?

– А ведь он у меня есть, – говорю я. – Я знакома с самим Дэнни Ковитцем! Мы могли бы уговорить его.

– С Дэнни Ковитцем? Ты? – Жасмин скептически усмехается. – Скажи уж честно, что просто однажды видела его на улице.

– Нет, мы правда знакомы! Он жил этажом выше в Нью-Йорке. И даже шил мне свадебное платье, – торжествующе добавляю я.

Иметь знаменитого друга – это круто. Я знала Дэнни еще в те времена, когда о нем никто и не слыховач. Без ложной скромности скажу: это я помогла ему совершить первый прорыв. А теперь он – всемирно признанный баловень моды! Его модели снимают для «Вог», в его платьях приезжают на церемонии вручения «Оскара». Месяц назад в интервью «Женской одежде» Дэнни рассказывал про свою новую коллекцию – его «вдумчивую интерпретацию процесса упадка цивилизации».

Что-то слабо верится. Наверняка сварганил модели в последнюю минуту, на английских булавках и крепком кофе, или поручил шитье кому-нибудь.

Ну и пусть. Эксклюзивная линия от Дэнни Ковитца в любом случае прекрасная приманка. Надо было раньше сообразить.

– Если ты правда знакома с Дэнни Ковитцем, взяла бы да позвонила ему, – подначивает Жасмин. – Прямо сейчас.

Она что, не верит мне?

– Прекрасно, так и сделаю! – Я хватаю телефон, нахожу номер мобильного Дэнни и набираю.

Честно говоря, мы с Дэнни уже давно не общались. Зато в Нью-Йорке мы вместе столько пережили, что останемся друзьями навсегда. Некоторое время я жду, но напрасно: в трубке слышны только гудки. Наверное, Дэнни забыл телефон дома. Или вообще сменил номер.

Жасмин приподнимает безукоризненную бровь:

– Что, не выходит?

– Мобильник не отвечает, – невозмутимо объясняю я. – Позвоню ему в офис.

Набираю международную справочную службу, узнаю номер офиса компании Дэнни и звоню туда. В Нью-Йорке сейчас половина десятого утра, значит, нет никаких шансов, что Дэнни уже встал. Разве что до сих пор не ложился. Но ведь можно оставить ему сообщение.

– «Дэнни Ковитц Энтерпрайз», – отвечает мужской голос. – Чем могу помочь?

– Ой, здравствуйте! – радуюсь я. – Говорит Бекки Брэндон, бывшая Блумвуд. Будьте добры Дэнни Ковитца.

– Минутку, – вежливо отзывается голос.

На несколько секунд в ухо врывается какой-то дикий рэп, а потом его сменяет жизне-радостный женский голос:

– Добро пожаловать в клуб фанатов Дэнни Ковитца! Чтобы получить информацию о вступлении в клуб, нажмите единицу...

Боже, нет, только не это. Я отключаюсь и снова набираю офис, стараясь не встречаться взглядом с Жасмин.

– «Дэнни Ковитц Энтерпрайз». Чем могу помочь?

– Послушайте, я давняя и очень близкая подруга Дэнни, – решительно начинаю я. – Пожалуйста, соедините меня с его секретарем.

Рэп отгрохотал, в трубке звучит женский голос:

– Приемная Дэнни Ковитца. Кэрол слушает. Чем могу помочь?

– Здравствуйте, Кэрол, – как можно дружелюбнее начинаю я. – Я – давняя подруга Дэнни. Я уже пыталась дозвониться ему по мобильному, но он не отвечает. Не могли бы вы соединить меня с Дэнни? Или принять сообщение для него?

– Как ваше имя? – скептически спрашивает Кэрол.

– Бекки Брэндон. Бывшая Блумвуд.

– А он знает, по какому вы вопросу?

– Да! Мы же друзья!

– Хорошо, я сообщу о вашем звонке мистеру Ковитцу...

Внезапно в трубке фоном слышится знакомый голос:

– Слушай, мне позарез нужна диетическая кола, ясно?

Дэнни!

– Это он? – восклицаю я. – Я слышу его! Пожалуйста, соедините меня с ним ненадолго. Честное слово, я не задержу его...

– Мистер Ковитц... на совещании. – Кэрол неумолима. – Но я обязательно передам ему, что вы звонили, мисс Брум. Благодарю за звонок. – И в трубке становится тихо.

Вскипев, я отключаю телефон. Ничего она не передаст, это же ясно! Она у меня даже номер не спросила!

– Так, так, – изрекает Жасмин, которая внимательно наблюдает за мной. – Говоришь, близкие друзья?

– Да! – огрызаюсь я.

Спокойно. Думай. Должен же быть способ дозвониться до Дэнни. Обязательно должен...

Минуточку.

Я снова хватаю телефон и набираю международную справочную.

– Добрый день, – говорю я оператору. – фамилия – Ковитц, адрес – Эппл-Бей-Хаус, фэйрвью-роуд, Фокстон, Коннектикут. Если можно, соедините сразу...

Вскоре телефон оживает.

– Алло!

– Здравствуйте, миссис Ковитц! – В эти слова я вкладываю все свое обаяние. – Это Бекки, Бекки Блумвуд. Вы меня помните?

Мама Дэнни мне всегда нравилась. Вот и сейчас мы славно поболтали: она расспрашивала о ребенке, я – о ее премированных цветниках. Потом миссис Ковитц возмутилась, узнав, как обошлась со мной секретарша Дэнни: ведь как-никак это я предложила продавать его коллекцию в «Барниз» (конечно, пришлось ненавязчиво напомнить ей). В общем, она пообещала, что Дэнни перезвонит мне.

И буквально через две минуты после нашего разговора мой телефон аж подпрыгивает от звонка.

– Привет, Бекки! Мама говорит, ты мне звонила.

– Дэнни! – Не удержавшись, я бросаю торжествующий взгляд на Жасмин. – Как давно я тебя не слышала! Ну как ты?

– Прекрасно! Вот только от мамы досталось на орехи. Господи Иисусе. – Дэнни явно потрясен. – Напустилась на меня с криком «с каких это пор вы не цените старых друзей, юноша?» Ну, я, само собой, не въезжаю: «Мам, ты о чем?» А она...

– Да я пыталась дозвониться тебе в офис, а меня не соединяли. Приняли за твою фанатку. Или просто надоедливую клиентку.

– Есть у меня фанаты, – гордо подтверждает Дэнни. – Аж двое, и обоих зовут Джошуа. Прикольно, да?

– Ого! – Не стоило удивляться, но так уж вышло. – И чем же ты сейчас занят?

– Работаю над новой коллекцией, – выдает заученный ответ Дэнни. – Хочу в целом переосмыслить дальневосточные мотивы. Пока что я на стадии замысла. Впитываю восточный колорит и так далее.

Ему меня не провести. «Впитываю колорит» в переводе значит «отдыхаю на всю катушку и расслабляюсь на пляже».

– Знаешь, я тут подумала... – спешу вставить я, – ты не мог бы сделать мне огромное одолжение? Предоставить небольшую диффузную коллекцию лондонскому магазину, где я сейчас работаю? Или хотя бы одну эксклюзивную модель?

– М-м... (Я слышу, как Дэнни вскрывает банку.) Само собой. Когда?

Ага! Я же знала, что он согласится! Но на всякий случай я скрещиваю пальцы.

– Хорошо бы... побыстрее. Например, через несколько неделек. Заодно и Лондон посетишь. Оторвемся по полной!

– Даже не знаю, Бекки... – Он хлопает своим напитком. Так и представляю его в стильном кабинете где-нибудь в Сохо: развалился в офисном кресле, в драных джинсах, из которых он не вылезает. – У меня запланирована поездка на Дальний Восток...

– Кстати, я тут недавно встретила на улице Джуда Лоу, – будто невзначай добавляю я. – Он живет неподалеку.

Пауза.

– Наверное, я все-таки заскочу к вам, – наконец говорит Дэнни. – Лондон – он ведь по пути в Таиланд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.